

**Рассекреченные документы
Службы внешней разведки Российской Федерации по деятельности
антифашистской группы «Красная Капелла»**

Оглавление

Декабрь 1940 года. План работы с агентом «Корсиканец»	2
2 апреля 1941 года. Справка о плане нападения на Советский Союз.....	5
21 декабря 1942 года. Приговор Имперского военного трибунала	11
21 декабря 1942 года. Приговор Имперского военного трибунала (перевод).....	34

Декабрь 1940 года. План работы с агентом «Корсиканец»

ак-1

Сов. секретно.

УТВЕРЖДАЮ:
Народный комиссар внутр. дел
Союза ССР

РАСЕКРЕЧЕНО
Служба внешней разведки РФ 10

/Л. Берия/

" " декабря 1940 г.

П Л А Н
работы с агентом "КОРСИКАНЕЦ"

Агент "КОРСИКАНЕЦ" располагает следующими возможностями:

1. "КОРСИКАНЕЦ" происходит из старой немецкой аристократической семьи, состоит членом немецкого клуба объединяющего крупных немецких промышленников и аристократов /бывший клуб господ / располагает широкими связями в кругах промышленников, крупных государственных чиновников, старой немецкой аристократии и верхушки немецкой интеллигенции. До 1933 года и несколько позже был связан с некоторыми представителями враждебных национал-социалистам группировок.
2. является ответственным работником министерства хозяйства, хорошо знает экономику современной Германии, лично занимается вопросами внешней экономической политики Германии.
3. имеет своих под"источников в лице: а/референта научно-технического отдела управления хозяйства и вооружения верховного командования немецкой армии - "ГРЕКА". б/ сотрудника радио-разведки главного командования военно-морского флота - "ИТАЛЬЯНЦА" в/ведущего экономиста крупнейшего химического концерна Германии "И.Г. Фарбениндустри" - "ТУРКА". г/одного из директоров крупной обувной фирмы "ЛЕЙЗЕР" "АЛБАНЦА".

Исходя из этих предпосылок вести работу с агентом в направлении разработки и получения информации по возможности по следующим вопросам:

Нармина
Вури
Дв. 10/10

Хейс - Фрейкер
Тавелон

Вури
Тиннен

97

98

1. Выяснить наличие в Германии оппозиционных групп и течений к существующему режиму. Дать подробные характеристики им и их отдельным представителям с тем чтобы, во первых, определить возможность привлечения их к сотрудничеству с нами и, во вторых, знать о соотношении сил внутри Германии.
2. Выяснить истинное положение и позиции в настоящее время тех оставшихся в Германии политических деятелей, которые в прошлом активно выступали против национал-социалистической партии.
3. наличие противоречий внутри правительства, национал-социалистической партии, рейхсвере и ведущих промышленных кругов по вопросам внутренней и внешней политики Германии и прежде всего в отношении СССР.
4. Проверить и в случае подтверждения детализировать ранее полученные "КОРСИКАНЦЕМ" сведения о военных планах Германии в отношении СССР.
5. Структура и организация германского хозяйства в военное время. Экономические планы и расчеты Германии в отношении сроков ведения войны, ее затяжки и расширения. Обеспеченность Германии стратегическим сырьем и продовольствием.
6. Планы "хозяйственного переустройства Европы", организация европейского хозяйства для нужд войны; расчеты Германии на экономические ресурсы других стран.
7. Расчеты на ресурсы СССР в хозяйственных планах ведения войны Германией. Конкретные планы немцев в части хозяйственных отношений с СССР. Отношение Германии к выполнению ее хозяйственных обязательств перед Советским Союзом; лазейки и ухищрения для оттяжки выполнения договоров и соглашений.
8. Выяснить подробно что из себя представляет "клуб господ"; характеристики его наиболее видных членов, их политическая ориентация, отношения к Гитлеровскому правительству.
9. Разработка организаций занимающихся изучением советского хозяйства и учреждений созданных специально для

- 3 -

хозяйственных связей с СССР / Русский Комитет германской промышленности, "Ост-Экспресс", Комитет Бремен-Гамбург и др./.

Выявление людей направляемых в СССР по линии этих организаций с разведовательными целями.

Ю. Изучать связи "КОРСИКАНЦА" с целью выявления среди них лиц могущих быть привлеченными к сотрудничеству с нами.

Работу с "КОРСИКАНЦЕМ" проводит "СТЕПАНОВ". На первую встречу в город на ранее обусловленное место "КОРСИКАНЕЦ" вызывается условным письмом опущенным в почтовой ящик его квартиры. Место и время последующих встреч "СТЕПАНОВ", равно как и весь порядок связи, определяет в зависимости от обстоятельств и представляет предложения на утверждение в центр.

Зам. Нач. 5 Отдела ГУГБ
майор гос. безопасн.

Судоплатов
/Судоплатов/

СОГЛАСЕН:

Нач. 5 Отдела ГУГБ НКВД
ст. майор гос. безопасности

Фитин
/Фитин/

"26" декабря 1940 г.

Читал, усвоил и принял к исполнению:

/ Степанов /

Степанов

26. XII. 40

2 апреля 1941 года. Справка о плане нападения на Советский Союз

еа-3.

РАССЕКРЕЧЕНО*
Служба внешней разведки РФ 10

СОВ. СЕКРЕТНО. 243

СПРАВКА

По сообщению Захара 2.1У-1941 г. № 106.

"Старшина" встретился с "Корсиканцем". "Старшина" сообщил о полной подготовке и разработке плана нападения на Советский Союз его учреждением.

План состоит минимально из следующего:

Налеты авиации сконцентрируются на важных объектах хозяйственного и военного значения. Ввиду разбросанности советской промышленности на огромной территории бомбардировкой в небольшой срок вывести страну из нормальной военно-хозяйственной жизни нельзя, то авиация немцев по оперативному плану концентрирует свой удар на ж.д. узловых пунктах центральной части СССР, места пересечения железных дорог направления: юг-север и восток-запад.

Планом предусмотрено в первую очередь воздушными бомбардировками парализовать следующие ж.д. магистрали:

- 1) Тула-Орел-Курск-Харьков.
- 2) Киев-Гомель.
- 3) Южная линия, идущая через Елец.
- 4) " " " " Рязск.

Эти линии, пересекающиеся с путями восточного и западного направления, являются объектом бомбардировок первой очереди. Этим планом немцы хотят парализовать эко-

ев.

2.- 244

номические артерии северо-южного направления и воспрепятствовать подвозу резервов с востока на запад.

Объектами бомбардировки немецкой авиации, по заявлению "Старшина", в первую очередь являются электростанции, особенно Донецкого бассейна, моторостроительные заводы в г. Москве шарикоподшипник. и предприятия авиационной промышленности. "Старшина" подтверждает, что авиационные базы под Краковом являются одним из основных исходных пунктов воздушных налетов на СССР.

ГЕРИНГ в своей последней встрече с АНТОНЕСКУ, потребовал от него 20 дивизий для участия в антисоветской акции. "Старшина" заверяет о достоверности этих данных, которые он получил из документов, проходивших через его руки в его учреждении. Документально старшине известно о полной готовности к нападению, но решен ли вопрос окончательно о проведении акции ГИТЛЕРОМ ему неизвестно.

Информированные лица из государственных учреждений и офицерских кругов говорят, что нападение на Сов.Союз должно состояться.

Сам "Старшина" не уверен полностью, что акция совершится. Из разговоров со своим другом майором Г., который работает в отделе министерства авиации по разработке оперативных инструкций для личного состава "Старшине" получил сведения, что акция против Сов.Союза

ев.

3. 245

совершенно определена и нападение последует в скором времени.

Г. по работе сталкивается с офицерами из генштаба армии, и по его словам оперативный план армии состоит в молниеносном внезапном ударе на Украину и продвижение дальше на восток. Из Восточной Пруссии одновременно удар на север. Немецкие войска, продвигающиеся по северному направлению должны соединиться с армией, идущей с юга, этим самым отрезают советские войска, находящиеся между этими линиями, замыкая их фланг. Центры остаются без внимания по примеру польской и французской кампании.

Созданы две армейские группы, которые намечены для выступления против Сов. Союза.

В Румынии немецкие войска сконцентрированы на сов. границе. Всем армейским частям приданы сильные соединения разведывательной и штурмовой авиации, т.к. придается большое значение совместным действиям авиации и армейских частей.

Финляндия должна также вступить в войну, но ввиду ее слабости первый удар последует не со стороны Финляндии, как одно время предполагалось, а с Восточной Пруссии. Выступление весной немцы считают наиболее благоприятным временем, т.к. состояние советских аэродромов в это время затруднит действия русской авиации.

ЦЕХЛИН, который упоминался раньше, рассказал "Кореиканцу", что он в воскресенье беседовал с рефе-

ea.

246

ректором РОЗЕНБЕРГА по СССР - ЛЕЙББРАНДТОМ, который заявил, что вопрос о нападении на Сов.Союз является решенным. С 10 апреля будет опубликовано распоряжение о прекращении частных поставок по немецким железным дорогам.

Кампания в прессе должна начаться с 15 числа. "X" заявил "Корсиканцу", что импорт каучука в Германию с востока решено направлять морским путем, а не через СССР, не считаясь с риском нападения боевых единиц английского военно-морского флота. "Корсиканец" считает, что прекращение транзитных перевозок через СССР является признаком подготовки к акции.

ЗАКС - сотрудник МИД'а Германии, референт министерства хозяйства по Венгрии и ТИЦИЕНС, сославшись на своего знакомого из верховного командования армии в беседах с "Корсиканцем" сообщили, что вопрос о нападении Германии на СССР решен. По сообщению "Старшины" в германских руководящих и военных кругах события в Югославии восприняты чрезвычайно серьезно. Воздушный штаб проводит активную подготовку действий против Югославии, которые должны последовать в ближайшее время.

Для этого воздушный штаб с русского вопроса временно переключился на Югославию. В воздушном штабе считают, что военные операции против Югославии займут 3-4 недели, этими действиями отодвигается нападение на Сов. Союз и этим самым вызывается опасение, что момент акции против СССР будет упущен.

ев.

5.-244

В результате событий и переворота в Югославии немцы отсрочили полностью подготовленную операцию против Греции. В Грецию пришло до 90 тысяч человек английских войск с авиацией и танками, что вызвало озабоченность в воздушном штабе Германии.

"Стершице" заявил, что ему неизвестно повлекут ли события в Югославии отсрочку в выступлении против Сов. Союза.

"Лицеист" сообщил, что по мнению Шмидт и Рахе в результате событий в Югославии, ее последует участь Чехословакии. События продолжатся 5-6 дней, после чего они разрешатся вводом немецких войск в Югославию. Для этого потребуется несколько дней на проведение необходимых военных подготовительных мероприятий.

ШЛОТМАН, работник бюро РИВВЕНТРОПА "Эсховец" сообщил "Лицеисту", что Германия проводит мероприятия "Из пакте трех" по использованию Болгарии и Венгрии, как военных союзников против Югославии.

"Лицеист" доносит, что в связи возможной военной акции Германии против СССР, усиливается со дня на день слухи относительно концентрации войск на востоке, для нападения на Украину.

Полковник ВЛАУ в клубе иностранных журналистов "Лицеисту" сказал:

"Мы во время мировой войны умели путем колоссальных перебросок войск замаскировать действительные намерения немецкого командования".

ea.

6. 248

В чем именно заключается эта маскировка "Лицеист" не конкретизировал. На очередной явке Захар уточнит.

Николай командирован в Кенигсберг и Данциг для связи с Цопотом и нашим консульством. По возвращении Николая результаты будут сообщены.

В е р н о :

СТ ОПЕРУП.1 ОТД 1 ОТДЕЛА 1 УПР.НКГБ
Лейтенант Гос Безопасности

Трубецкой
(Трубецкой)

" " апреля 1941 г.

Комитет пропаганды
Соловьев
Умич

21 декабря 1942 года. Приговор Имперского военного трибунала

Reichskriegsgericht

2. Senat

StPL (HLS) II 129/42

StPL (RKA) III 495/42

III 496/42

III 497/42

21 Abdrucke

Geheime Kommandosache!

Am 5. Jan. 1943

Im Namen

S. m. geh. 1943 Nr. 55

des Deutschen Volkes! Admiral

Feldurteil.

In der Strafsache gegen

- 1.) den Oberleutnant Harro Schulze-Boysen, +
- 2.) die Ehefrau Libertas Schulze-Boysen, +
- 3.) den Oberregierungsrat Dr. Arwid Harnack, +
- 4.) die Ehefrau Mildred Harnack, 62
- 5.) den Oberleutnant Herbert Gollnow, +
- 6.) den Funker Horst Heilmann, +
- 7.) den Soldat Kurt Schumacher, +
- 8.) die Ehefrau Elisabeth Schumacher, +
- 9.) den Dreher Hans Coppi, +
- 10.) den Kraftfahrer Kurt Schulze, +
- 11.) die Gräfin Erika von Brockdorff, 102
- 12.) den Handelsvertreter Johannes Graudenz +

wegen Hochverrats u.a.

hat das Reichskriegsgericht, 2. Senat, in der Sitzung vom 19. Dezember 1942 auf Grund der mündlichen Hauptverhandlung vom 15. - 19. Dezember 1942 an der teilgenommen haben

als Richter:

Senatspräsident Dr. Kraell, Verhandlungsleiter,

General Mußhoff,

Vizeadmiral Arps,

Generalmajor Stutzer,

Reichskriegsgerichtsrat Dr. Schmitt,

als Vertreter der Anklage:

Oberstkriegsgerichtsrat Dr. Roeder,

als Urkundsbeamter:

Heeresjustizinspektor

271/46.

Admiral
 1943
 991: Th
 80.7

- 2 -

Heeresjustizinspektor Güldner,
für Recht erkannt:

Es werden verurteilt:

- 1.) Die Angeklagten Oberleutnant Harro S c h u l z e - B o y s e n und Schütze Kurt S c h u m a c h e r wegen Vorbereitung zum Hochverrat, Kriegsverrats, Zersetzung der Wehrkraft und Spionage zum Tode, zum Verlust der Wehrwürdigkeit und zum dauernden Verlust der bürgerlichen Ehrenrechte.
- 2.) Dr. Arwid H a r n a c k , Libertas S c h u l z e - B o y s e n , Elisabeth S c h u m a c h e r , Hans C o p p i und Kurt S c h u l z e wegen Vorbereitung zum Hochverrat, Feindbegünstigung und Spionage zum Tode und zum dauernden Verlust der bürgerlichen Ehrenrechte, Hans C o p p i außerdem zum Verlust der Wehrwürdigkeit.
- 3.) Johannes G r a u d e n z wegen Vorbereitung zum Hochverrat, Feindbegünstigung, Zersetzung der Wehrkraft und Spionage zum Tode und zum dauernden Verlust der bürgerlichen Ehrenrechte.
- 4.) Funker Horst H e i l m a n n wegen Kriegsverrats und Spionage zum Tod, zum Verlust der Wehrwürdigkeit und zum dauernden Verlust der bürgerlichen Ehrenrechte.
- 5.) Oberleutnant Herbert G o l l n o w wegen Ungehorsams im Felde und Preisgabe von Staatsgeheimnissen zum Tode und zum Verlust der Wehrwürdigkeit.
- 6.) Gräfin Erika von B r o c k d o r f f wegen Beihilfe zur Vorbereitung zum Hochverrat und zur Spionage zu 10 - zehn - Jahren Zuchthaus und zum Verlust der bürgerlichen Ehrenrechte auf 10 - zehn - Jahre.
- 7.) Frau Dr. Mildred H a r n a c k wegen Beihilfe zur Vorbereitung des Hochverrats und zur Spionage zu 6 - sechs - Jahren Zuchthaus und zum Verlust der bürgerlichen Ehrenrechte auf 6 - sechs - Jahre.

Das Vermögen der Angeklagten Harro S c h u l z e - B o y s e n , Dr. Arwid H a r n a c k , Kurt S c h u m a c h e r und Johannes G r a u d e n z wird eingezogen.

Es werden ferner eingezogen bei dem Angeklagten Hans C o p p i 2500 RM, bei dem Angeklagten Kurt S c h u l z e 2100 RM.

Von. Rechts wegen.

Gründe.

Gründe.

Über den allgemeinen Verlauf der strafbaren Betätigung der Angeklagten wurde folgendes festgestellt:

Die Angeklagten gehörten teilweise der alten KPD. an, zum größeren Teil neigten sie eigenen sozialistischen Gedankengängen persönlicher Prägung zu, die sie im Jahre 1933 zu einer oppositionellen Einstellung gegenüber dem nationalsozialistischen Staat führten. Ihre Gedanken diskutierten sie zunächst in kleineren Zirkeln, wobei marxistische und leninistische Literatur besprochen wurde. Sie verfaßten Aufsätze und Berichte, die zur Schulung im eigenen kleineren Kreise dienten und gingen im weiteren Verlauf zur Herstellung und Verbreitung ausgesprochener Hetzschriften kommunistischen Charakters über. Als der deutsch-russische Pakt im Jahre 1939 abgeschlossen wurde, fand man sich vorübergehend mit dieser Lage ab. Mit dem Ausbruch des Rußlandfeldzuges wurde jedoch erneut und verstärkt die aktive Tätigkeit aufgenommen. Es wurden eine Anzahl auf Massenwirkung berechneter Hetzbroschüren verfaßt und verbreitet, wobei man Bedacht darauf nahm, Kreise der Intelligenz, der Polizei und Wehrmacht zu erreichen. Daneben stellte man nunmehr die unmittelbare Verbindung mit Moskau her. Diese gelang zunächst nur in unvollkommener Form, bis der russische Nachrichtendienst selbst dazu übergang, Fallschirmspringer abzusetzen und der Gruppe der Angeklagten Sendeapparate zuzuleiten. Kurz bevor ein Sendebetrieb im größeren Umfang aufgenommen wurde, gelang es der Geheimen Staatspolizei, die sämtlichen Beteiligten festzunehmen.

Bei den einzelnen Angeklagten ist das Gericht zu folgenden tatsächlichen- und Schuld-Feststellungen gekommen.

1.) Harro Schulze-Boysen.

Der Oberleutnant Harro Schulze-Boysen wurde am 2.9.1909 zu Kiel als Sohn des späteren Fregattenkapitäns Edgar Schulze und seiner Ehefrau Marie-Luise geb. Boysen geboren. Sein Groß- und Patenonkel war der Großadmiral von Tirpitz. Der Angeklagte bestand 1928 die Reifeprüfung auf dem Realgymnasium in Duisburg und studierte anschließend Rechts- und Staatswissenschaften in Freiburg und Berlin. Von 1922 ab gehörte er dem Jungdeutschen Orden an. Sein Studium schloß er nicht ab. Er betätigte sich schriftstellerisch und war 1932 bis 1934 Schriftleiter der Monatsschrift "Der Gegner". Nach dem Umbruch 1933 wurde er auf kurze Zeit in einem Konzentrationslager verwahrt. Vom Mai 1933 bis zum März 1934 nahm er an einem Ausbildungskurs für Flugzeugbeobachter teil. Im April 1934 trat er als Angestellter bei der Leitung der damaligen Nachrichten- und Pressestelle "Ausländische Luftstreitkräfte (See)" ein. Er wurde in das Luftfahrtministerium übernommen und leistete in den Folgejahren in der Abteilung Luftnachrichtenwesen, dann in der 5. Abteilung des Generalstabs und bei Ic des Luftwaffenführungsstabes Dienst als Angestellter. Seine Übernahme als Regierungsrat war geplant. Nach Ableistung von Übungen wurde er zum Leutnant und Oberleutnant des Beurlobtenstandes ernannt. Neben seiner dienstlichen Tätigkeit im RLM. leitete er ein außenpolitisches Seminar an der auslandswissenschaftlichen Fakultät der Universität Berlin.

Der Angeklagte ist nicht vorbestraft. Dienstlich wurde er als überdurchschnittlich begabt beurteilt. Es wird ihm bescheinigt, daß er auf Grund seiner Sprachkenntnisse der 5. Abteilung des Generalstabs in den letzten 4 Jahren hervorragende Dienste geleistet habe.

Schulze-Boysen hat niemals ehrlich dem nationalsozialistischen Staat gedient. Seine schon vor 1933 vorhandene, ausgesprochen sozialistisch-kommunistische Gedankenrichtung hat er auch weiter verfolgt, nachdem er in staatliche Dienste getreten war. Er fand in den Eheleuten Schumacher, einem Fräulein Gisela von Pöllnitz und dem ehemaligen Kommunisten Küchenmeister Gesinnungsgenossen, mit denen er zunächst eine Art von Arbeitsgemeinschaft gründete, die in den Jahren 1934 bis 1938 bei jeweiligen Zusammenkünften über kommunistische Literatur und Ziele

diskutierte.

diskutierte. In der Zeitschrift "Der Wille zum Reich" wurden mehrfach durch den Angeklagten Artikel mit kommunistischer Tendenz veröffentlicht. Ab 1937 wurde die Tätigkeit des Kreises aktiver, man warb neue Freunde wie Oda Schottmüller, den Schriftsteller Kuckhoff, Dr. Paul. Anfang 1938, während des Spanienkrieges erfuhr der Angeklagte dienstlich, daß unter Mitwirkung des deutschen Geheimdienstes im Gebiet von Barcelona ein Aufstand gegen die dortige rote Regierung vorbereitet werde. Diese Nachricht wurde von ihm gemeinsam mit der von Pöllnitz der sowjetrussischen Botschaft in Paris zugeleitet. Anlässlich der Angliederung des Sudetenlandes durch das Deutsche Reich verfertigte der Angeklagte ein Flugblatt "Der Stoßtrupp", in welchem er die Maßnahmen der Reichsregierung angriff und in vollem Umfang die Gründe und Gedanken übernahm, die in der feindlichen Agitation gegen diese politische Tat vorgebracht wurden. Das Flugblatt wurde fotokopiert und unter seiner Mitwirkung in etwa 40 bis 50 Exemplaren verbreitet. Im Frühjahr 1941 verfaßte er eine Schrift "Napoleon Bonaparte", deren zersetzende Tendenz sich aus einer raffinierten Gegenüberstellung von Worten und Taten Napoleons und des Führers ergab. Nachdem er Ende 1940 den Oberregierungsrat im Reichswirtschaftsministerium, den Angeklagten Harnack als Gesinnungsgenossen kennengelernt hatte, beschloß er, mit diesem politische und wirtschaftspolitische Nachrichten auszutauschen, wobei sein Beitrag hauptsächlich auf militärischem Gebiet liegen sollte. Das Ergebnis dieses regelmäßigen Nachrichtenaustausches, bei dem es sich größtenteils auch um Material aus dienstlichen Quellen handelte, wurde im eigenen Kreise und in Flugblättern verwertet. 1941 wirkte der Angeklagte bei der Verbreitung einer Reihe von anderen Hetzschriften mit, die wahrscheinlich aus dem Kreise der illegalen KPD. stammten. Nach Ausbruch des Russenkrieges wurde die Flugblattpropaganda durch ihn verstärkt. Als schärfstes und übelstes Machwerk des Angeklagten ist hierbei das von ihm abgefaßte unter dem Namen "Agis" verbreitete Flugblatt "Die Sorge um Deutschlands Zukunft geht durch das Volk" zu bezeichnen. In dieser Schrift wird in heftigster und niedrigster Weise gegen die deutsche Regierung gehetzt, der Krieg als verloren, die Zukunft als verzweifelt bezeichnet und zum Widerstand gegen die Anordnungen der Staatsregierung und zum offenen Aufstand aufgefordert. Schriften ähnlichen Inhalts, wie "Die innere Front" und "Organisiert den revolutionären Massenkampf", "Brief an einen Polizeihauptmann" half der Angeklagte vertreiben. Im Frühjahr 1942, anlässlich der Ausstellung "Das Sowjetparadies" wurde von ihm eine Klebezettelpropaganda durchgeführt, wobei hunderte von Zetteln mit dem Aufdruck: "Ständige Ausstellung das Naziparadies: Krieg, Hunger, Lüge, Gestapo wie lange noch?" an den Hauswänden der Berliner Straßen angeklebt wurden. Der Text stammte vom Angeklagten. Er selbst begleitete in Uniform als Oberleutnant der Luftwaffe mit Pistole die Klebekolonie und deckte sie.

Von 1941 ab war der Angeklagte auch landesverräterisch tätig geworden. Durch Harnack war er im Frühjahr 1941 mit dem Mitglied der russischen Botschaft in Berlin "Erdberg" in Fühlung gekommen. Kurz vor Ausbruch des Russenkrieges machte er den Vorschlag, für den Fall kriegerischer Verwicklungen eine Funkverbindung nach Moskau zu schaffen. Er erhielt hierauf durch Erdberg ein Sendegerät, einen Schlüssel und 8000 RM, von denen er einen Teil für sich selbst verwandte, den Rest von 5500 RM zu illegalen Zwecken hinterlegte. Zum Zweck der Funkübermittlung sammelte er durch seine Helfershelfer und auch persönlich Nachrichten, die er an Harnack weitergab, der sich bereit erklärt hatte, sie zu verschlüsseln. Darunter befand sich eine Mitteilung über den deutschen Flugzeugbestand zu Beginn des Rußlandkrieges. Im Herbst 1941 hatte er dann im Interesse der Funkverbindung eine Zusammenkunft mit dem russischen Agenten "Kent", der zur Steuerung der infolge technischer Schwierigkeiten noch nicht gelungenen Funkverbindung ihm zugesandt worden war. Bei der Zusammenkunft übermittelte er dem Kent in der Erkenntnis, daß dieser sie nach Moskau weiterleiten würde, eine Reihe von Nachrichten.

Darunter

Darunter die Nachricht, es sei eine Offensive gegen den Kaukasus in Richtung Maikop zu erwarten, die englische Spionageorganisationen auf dem Balkan seien aufgedeckt worden, ein russischer Funkschlüssel sei bei der Einnahme von Petsamo in deutsche Hände gefallen, ferner Mitteilungen über die deutschen Verluste auf Kreta, den Einsatz von Fallschirmjägern bei Leningrad, den bevorstehenden Gaskrieg, sowie über den zahlenmäßigen Bestand der deutschen Luftwaffe und die Produktion der deutschen Luftrüstung. Diese Nachrichten gab "Kent" mit Billigung des Angeklagten unter dessen Namen als sogenannte "Chorofunksprüche" von Brüssel aus nach Moskau. In der Folgezeit übersandte Schulze-Boysen dem Harnack wiederholt Nachrichten auf Zetteln, die dieser verschlüsselte, um sie dem Angeklagten Coppi, der den Sender bediente, zur Übermittlung nach Moskau weiterzuleiten. Auf dienstlichem Wege hatte er in Erfahrung gebracht, daß englische Funksprüche, welche die Absendung von für Rußland bestimmten Geleitzügen ankündigten, von der deutschen Abwehr entschlüsselt werden konnten. Dieses Wissen übermittelte er dem Angeklagten Graudenz, der über Heidelberger Freunde Beziehungen zu für England eingestellten Schweizer Kreisen unterhielt, mit der Bemerkung, daß man den Engländern diese Nachricht zur Kenntnis bringen müßte. Im August 1942 trat der Angeklagte mit dem an seine Gruppe dirigierten russischen Fallschirmspringer HÖBLER in Verbindung und hatte mit diesem mehrfache Zusammenkünfte, wobei über die Kriegslage und über die Durchführung der Funkverbindung gesprochen wurde. Die Sendeversuche HÖBLERS waren noch im Gange, als der Angeklagte, dessen Namen und Adresse in einem entschlüsselten russischen Funkspruch von der Abwehr festgestellt wurden, verhaftet wurde.

Als Motiv seiner Handlungen hat der Angeklagte angegeben, er sei für eine deutsch-russische Verständigung gewesen. Die beiden sozialistischen Staaten Deutschland und Rußland seien von den Plutokratien zum gegenseitigen Krieg gehetzt worden. Er habe sich mit seiner Gruppe bereithalten wollen, um im Falle einer Krise die Verbindung zwischen der nationalsozialistischen Regierung und der russischen Regierung herstellen zu können. Einen Landesverrat habe er nicht begehen wollen.

Die Ausführungen des Angeklagten werden durch seine eigenen Handlungen widerlegt. Er hat sich nicht nur jahrelang als Hochverräter und Hetzer betätigt und als solcher auch noch nach Ausbruch des deutsch-russischen Krieges den Kommunismus, also den Landesfeind begünstigt, sondern auch in erheblichem Maße selbst Spionage durch Weiterleitung von Nachrichten an Moskau und durch Einrichtung und Unterstützung der Funkverbindung getrieben. Zu seinen Lasten geht auch die Verführung eines Teils der Mitangeklagten, in deren Kreis er zusammen mit dem Angeklagten Harnack der Rädelsführer war.

Für die in einheitlicher Tat begangenen Straftaten der Vorbereitung zum Hochverrat, der Wehrkraftzersetzung und der Feindbegünstigung, die bei ihm nach § 57 MStGB. als Kriegsverrat zu bestrafen ist, konnte nach den gesetzlichen Bestimmungen gemäß §§ 83 Abs. 1, 3 Ziff. 1, 2, 3, 73, 91b RStGB., 57 MStGB., § 5 Abs. 1 Ziff. 1 und 2 KSSVO. eine andere Strafe als Todesstrafe nicht in Betracht kommen. Als absolute Strafe war die Todesstrafe sowohl in § 57 MStGB. als auch in § 5 KSSVO. gesetzlich vorgeschrieben. Auch wegen der daneben begangenen Spionage war der Angeklagte nach § 2 KSSVO. zum Tod zu verurteilen. Die Nebenstrafen des Verlustes der Wehrwürdigkeit und der bürgerlichen Ehrenrechte erschienen selbstverständlich und gesetzlich geboten.

2.) Libertas Schulze-Boysen.

Die Angeklagte Ehefrau Schulze-Boysen wurde am 20. November 1913 als Tochter des Professors Haas-Heye und seiner Ehefrau Gräfin Tora Eulenburg in Paris geboren. Die Ehe der Eltern ist geschieden. Die Mutter hat nach der Scheidung ihren Mädchennamen wieder angenommen. Der Vater befindet sich nach Angaben der Angeklagten zur Zeit in einem englischen Internierungslager, da er kurz vor Ausbruch des Krieges künstlerisch beratend in England tätig war. Die Angeklagte wurde in Lieben-

berg

berg in der Mark bei der Mutter erzogen, befand sich vom 13. bis zum 18. Lebensjahre in der Schweiz, legte dann auf einem Privatlyzeum in Berlin das Abiturium ab. Anschließend ging die Angeklagte zur weiteren Ausbildung 3/4 Jahr nach England. Von Frühjahr 1933 bis Januar 1935 war sie als Presseassistentin bei der Metro Goldwyn-Mayr Filmgesellschaft in Berlin tätig. Vom 15. Januar 1935 bis 15. Juli 1935 leistete sie freiwilligen weiblichen Arbeitsdienst in Glindow/Werder. In dieser Zeit verlobte sie sich mit dem Mitangeklagten Harro Schulze-Boysen. Im Herbst 1935 nahm sie an einer Fahrt nach Genf mit dem Mitangeklagten zum Besuch einer Vortragsreihe über Völkerbundfragen teil.

Die ersten Wintermonate 1936 verbrachte sie bei Bekannten in England. Am 26. Juli 1936 schloß sie die Ehe mit Schulze-Boysen.

In der Folgezeit betätigte sich die Angeklagte beruflich wie folgt: Journalistische Tätigkeit bei der Essener Nationalzeitung, 1940 Filmschriftleitung der vorgenannten Zeitung, 1. November 1941 Eintritt in die deutsche Kulturzentrale, zuletzt Sachbearbeiterin für die Sachgebiete: Kunst, deutsches Land und Volk, Völker und Länder.

Sie stand in einem festen Angestelltenverhältnis im Reichspropagandaministerium und bezog zuletzt ein monatliches Einkommen von brutto 800 RM.

Gerichtlich ist die Angeklagte nicht vorbestraft. Sie befand sich im Juli 1939 in Ostpreußen kurze Zeit unter Verdacht der Spionage in Haft. Die damaligen Verdachtsgründe erschienen nicht stichhaltig, so daß ihre Haftentlassung von der Staatspolizeileitstelle verfügt wurde.

Die Ehefrau Schulze-Boysen ist ohne Zweifel ein Opfer ihres Mannes. Sie war ursprünglich Nationalsozialistin und hatte die Absicht, Führerin im Arbeitsdienst zu werden. Sie ist aber dann ihrem Mann gefolgt, hat seine Auffassung zu der ihrigen gemacht und ist auch für ihre Person aktiv geworden. Sie hat an den kommunistischen Diskussionsabenden teilgenommen, bei der Herstellung der Hetzschrift "Der Stoßtrupp" technische Hilfe geleistet und sie mitverbreitet. Auch die andern Hetzschriften ihres Mannes und des Kreises hat sie zum mindesten gelesen. Bei Besprechungen über die Abfassung der Hetzschrift "Die Sorge um Deutschlands Zukunft" hat sie mit ihrem Rat dadurch mitgewirkt, daß sie den Verfasseramen "Agis" vorschlug. Sie hat dann ihren Mann bei dem Erfahrungsaustausch mit Harnack, von dem sie annahm, daß er unmittlere Verbindungen zur KPD. hatte, geholfen und hat von den Versuchen zur Herstellung einer Funkverbindung nach Moskau gewußt. Ihrem Mann hat sie Vorschläge darüber gemacht, in welchen Wohnungen ein Sender aufgestellt werden könne. Sie hat nach Ausbruch des Russenkrieges einen größeren Teil des von ihrem Ehemann erhaltenen illegalen Geldes entgegengenommen und dem Zahnarzt Dr. Himpel in Verwahrung gegeben. Sie hat dann mindestens zweimal Zettel mit für den Feind bestimmten Notizen dem Harnack zugetragen, von dem sie wußte, daß er sie verschlüsselte. Mindestens den einen dieser Zettel, auf dem sich Flugzeugzahlen befanden, hatte sie gelesen. Im Herbst 1941 erhielt sie den Besuch des russischen Agenten "Kent", den sie in voller Kenntnis der Tatsache, daß er gekommen war, um die Funkverbindung mit Moskau in Ordnung zu bringen, mit dem Angeklagten Harnack und mit ihrem Mann zusammenbrachte. Dem Angeklagten Coppi erzählte sie die Einzelheiten ihres Zusammentreffens mit dem Agenten "Kent" und übermittelte ihm technische Einzelheiten der Funkverbindung. Sie war zugegen, wie ihr Mann dem Kent Informationen erteilte. Nach der Festnahme ihres Mannes besprach sie mit dem Angeklagten Heilmann Möglichkeiten der Warnung und Hilfe und ließ durch diesen verdächtige Materialien beiseiteschaffen.

Die Angeklagte hat Vorbereitung zum Hochverrat, die - da sie über den 22. Juni 1941 hinaus andauerte - als Feindbegünstigung zu werten war, und Spionage betrieben. Für beide Taten war sie nach §§ 83 Abs.1, 3 Ziff. 1 und 3, 73, 91b RStGB. und nach § 2 KSSVO. mit dem Tode zu bestrafen. Die Aberkennung der bürgerlichen Ehrenrechte entspricht § 32 RStGB.

3.) Dr. Arwid H a r n a c k .

Der Angeklagte Dr. Arwid Harnack wurde als Sohn des verstorbenen Professors an der technischen Hochschule in Darmstadt Otto Harnack und seiner Ehefrau geb. Reichau am 24. Mai 1901 geboren. Er legte 1919 die Reifeprüfung in Jena ab und kämpfte dann als Freiwilliger bis Ende 1920 in Freikorpsverbänden. Nach dem Studium der Rechtswissenschaften promovierte er 1924 summa cum laude zum Doktor juris. Durch die Rockefeller Stiftung wurde er im August 1925 nach England entsandt, hielt sich dort bis Dezember und ab Januar 1926 bis Ende 1928 in den Vereinigten Staaten von Nordamerika zu Studienzwecken auf. An der Madison Universität lernte der Angeklagte seine Ehefrau, die ebenfalls dort studierende Mitangeklagte Mildred Harnack geb. Fish kennen. Nach seiner Rückkehr studierte der Angeklagte in Gießen Literaturgeschichte, Philosophie und Nationalökonomie und legte dort den philosophischen Doktor ab. Ende 1934 bestand er die zweite juristische Staatsprüfung und trat am 1.4.1935 in das Reichswirtschaftsministerium ein. Dort wurde er 1938 zum Regierungsrat ernannt und 1942 zum Oberregierungsrat befördert. Seit Juni 1942 war er daneben Lehrbeauftragter an der Universität Berlin für die auslandswissenschaftliche Fakultät und Dozent im außenpolitischen Schulungsamt des Reichsleiters Rosenberg. Von seiner Dienststelle wird der Angeklagte als ein ungewöhnlich befähigter Arbeiter bezeichnet, dem alles nur so zugeflogen sei.

Der Angeklagte hatte im Jahre 1935/36 durch seine Tätigkeit in der Arbeitsgemeinschaft zum Studium der sowjetrussischen Planwirtschaft die Russen Bessanoff und Hirschfeld kennengelernt. Im Jahre 1937 suchte Hirschfeld ihn wieder auf und machte ihn mit einem Herrn der russischen Botschaft bekannt. Mit diesem traf er sich in der Folgezeit mit ziemlicher Regelmäßigkeit, um politische und wirtschaftliche Fragen zu besprechen. Schon damals gab er Kenntnisse, die ihm dienstlich in seiner Eigenschaft als Referent für Devisenfragen zugegangen waren, dem Russen preis. In der Folgezeit bildete er mit einigen gesinnungsmäßig verwandten Männern wie Havemann, Skrzypczynski und Behrens einen Arbeitskreis, der sich mit sozialistischen Fragen befaßte. Im Rahmen dieser Tätigkeit schrieb er eine Studie über den Monopolkapitalismus, der das Scheitern der sozialistischen Entwicklung im nationalsozialistischen Deutschland zum Inhalt hatte und mit einer Aufforderung zu umstürzlerischen Bestrebungen schloß. Infolge seiner Einstellung kam Harnack schließlich in Beziehung zu reinen Kommunisten wie Sieg und Guddorf und über den Schriftsteller Kuckhoff auch zur Bekanntschaft des Angeklagten Schulze-Boysen. Im Jahre 1942 war der von ihm gebildete Kreis zu der Überzeugung gekommen, daß die angeblich antisozialistische Richtung des Deutschen Reiches nur mit Gewalt geändert werden könne. In dieser Zeit nahm er staatsfeindliche Schriften wie die Schriften "Agis" und "Organisiert den revolutionären Massenkampf" entgegen und gab sie an seine Freunde weiter. Auch stellte er dem Kommunisten Guddorf 150 RM zur Verfügung, damit dieser mit dem Geld nach Hamburg fahre und dort illegal organisatorisch tätig werde. Er hat schließlich nach wohlüberlegtem Plan den Oberleutnant Gollnow an sich herangezogen, um auf diesem Wege seine Ideen in militärische und Abwehrkreise zu tragen. Harnack ist schuldig der Vorbereitung des Hochverrats und, soweit diese Tat über den 22. Juni 1941 hinausragt, der Feindbegünstigung. Er ist aber auch der Spionage schuldig. Schon vor Beginn des russischen Krieges drängte ihn das Mitglied der russischen Botschaft "Erdberg", eine Funkverbindung mit Moskau herzustellen. Kurz vor Ausbruch des Krieges erklärte sich der Angeklagte nach anfänglichem Widerstreben bereit, die Verschlüsselung der Funksprüche zu übernehmen. Dies hat er dann in mindestens 5 Fällen durchgeführt, wobei er die verschlüsselten Sprüche zum Zweck der Durchgabe dem Funker Coppi durch die als Mittelsmänner eingeschalteten Behrens und Frau Schlösinger zuleitete. Er hatte auch vorübergehend einen Sender im Hause. Auch hat er 8000 RM Geld von den Russen im Interesse der Funkverbindung entgegengenommen und für die illegalen Zweck sicher-

gestellt.

gestellt. Auch einen Code hat er von Erdberg entgegengenommen und noch Mitte August eine Mitteilung des Inhalts, daß ein Vorstoß in Richtung Baku zu erwarten sei, zur Durchgabe nach Moskau weitergegeben. Er hat schließlich im Herbst 1941 erfahren, daß ein Fallschirmspringer angekommen war, um eine neue Funkverbindung herzustellen, und er hat dies dem Schulze-Boysen mitgeteilt.

Der Angeklagte führt an, daß er nicht aus Überzeugung Kommunist sei. Er sei aus wissenschaftlichen Erwägungen Anhänger einer nationalen Planwirtschaft. Daraus sei sein ganzes Handeln zu erklären. Einen Landesverrat habe er nicht absichtlich begehen wollen, er habe im Gegenteil nichts von den ihm zur Verfügung stehenden wichtigen geheimen Dingen des Reichswirtschaftsministeriums verraten. Er sei auch national eingestellt, was unter anderem die Tatsache beweise, daß es ihm gelungen sei, noch rechtzeitig vor dem Krieg das deutsche Vermögen aus Amerika herauszuziehen und zu retten. Auch habe er die deutsche Kupferversorgung vor dem Krieg sichergestellt. Nach seiner Ansicht habe Rußland heute in erster Linie eine Staatsraison und erst in zweiter Linie eine kommunistische Ideologie. Seine Auffassung von der Notwendigkeit eines Zusammengehens mit Rußland sei deshalb nicht als ein Bekenntnis zum Kommunismus zu verstehen. Der Sendeangelegenheit habe er skeptisch gegenübergestanden, habe sich aber auf Grund seiner eingeleiteten Verbindung der Sache nicht ganz entziehen können.

Auch diesen Angeklagten überführen seine Taten. Er hat seine intellektuell erworbene Meinung persönlich gegen den Willen der Staatsführung und gegen das Wohl des Volkes durchzuführen versucht und ist dadurch zum Staatsfeind und Landesfeind geworden. Er mußte wie Schulze-Boysen und aus den gleichen Rechtsgründen zum Tode verurteilt werden. Auch bei ihm als einem Landes- und Volksverräter war die Aberkennung der bürgerlichen Ehrenrechte selbstverständlich.

4.) Mildred H a r n a c k .

Die Angeklagte Mildred Harnack wurde am 16.9.1902 in Milwaukee/USA. als jüngste Tochter des amerikanischen Kaufmanns William Fish geboren. Sie ist evangelischen Glaubens. Nach dem Besuch von Schulen in Milwaukee und Washington studierte sie von 1920 bis 1925 englische Philosophie an der Universität Madison/Wisconsin. Ab 1924 war sie als Dozentin an dieser Universität tätig.

1926 heiratete sie den Mitangeklagten Arwid Harnack. Sie behielt die amerikanische Staatsangehörigkeit auf eigenen Wunsch bei, bis ihr diese kurz vor Ausbruch des deutsch-amerikanischen Krieges entzogen wurde.

1929 folgte die Angeklagte ihrem Ehemann nach Deutschland, der bereits Ende 1928 hierher zurückgekehrt war. In der Folgezeit studierte sie in Gießen, Jena und Berlin Philosophie und promovierte 1939 zum Dr. phil.

Während der Studienzeit war sie von 1931 - 1932 Lektorin an der Universität Berlin, von 1932 - 1936 Lektorin am Berliner Abendgymnasium, 1936 - 1941 Dozentin an der Volkshochschule Groß-Berlin, seit Sommer 1941 Sprachlehrbeauftragte der Auslandswissenschaftlichen Fakultät der Universität Berlin.

Die Angeklagte hat eine Reihe von deutschen Schriften, darunter kulturell hochstehende Werke wie Gedichte Goethes und Novellen Bindungs ins Englische übertragen, um deutsche Kultur ihrem amerikanischen Vaterland zugänglich zu machen.

Die Angeklagte, die sich seit 1929 in Deutschland aufhielt, wurde durch ihren Ehemann in dessen sozialistische Ideenwelt eingeführt. Mit ihm glaubte sie durch die Entwicklung der deutschen Politik, insbesondere durch den Krieg mit Rußland den Sozialismus gefährdet. Dies veranlaßte sie, der illegalen Tätigkeit ihres Mannes, die sie trotz dessen grundsätzlichen Bestrebens, sie aus der Sache herauszuhalten, erkannte und die sich zum Teil in der gemeinschaftlichen Wohnung abspielte, keinen Widerspruch entgegenzusetzen. Bei dem Austausch der Informationen

zwischen

zwischen ihrem Mann und Schulze-Boysen betätigte sie sich zuweilen in geringerem Umfange und in nicht näher feststellbarer Weise durch Abschreiben von Berichten. Wann diese Tätigkeit stattgefunden hat, war nicht zu ermitteln. Die Angeklagte wußte auch von den Bemühungen um eine Funkverbindung nach der Sowjet-Union und sie erkannte, daß ihr Mann der sich zu diesem Zweck in ein besonderes Zimmer zurückzog, sich mit Verschlüsselungen beschäftigte. Als eines Tages im August 1941 Frau Schulze-Boysen bei ihr erschien und dringend ihren Mann zu sprechen wünschte, weil ein Mann aus Brüssel gekommen sei, ahnte sie zumindest, daß der Besuch des Fremden mit der geheimen Funkverbindung in Zusammenhang stand. Auf Bitten der Frau Schulze-Boysen holte sie sofort ihren Mann aus dem Amt, ohne jedoch bei dessen Besprechung mit Frau Schulze-Boysen zugegen zu sein.

Die Angeklagte hat mit Bezug auf diesen Vorgang bestritten, erkannt zu haben, daß es sich um einen Moskauer Agenten, der im Interesse der Funkverbindung kam, gehandelt hat. Die gesamten Umstände und die Tatsache, daß die Angeklagte um die illegalen Bestrebungen ihres Ehemannes wußte, lassen es aber als ausgeschlossen erscheinen, daß sie bei ihrer Intelligenz nicht die sich ihr aufdrängenden Schlüssel gezogen haben sollte. Bei der an sich geringen Betätigung der Angeklagten war die Frage, ob sie aus eigenem Interesse oder nur aus Entgegenkommen für ihren Mann gehandelt habe, eindeutig im letzteren Sinne zu beantworten. Die Angeklagte hat überzeugend dargestellt, daß sie während der fraglichen Zeit in stärkstem Maße durch ihre berufliche und literarische Tätigkeit, durch Übersetzungen und durch den Haushalt in Anspruch genommen war und daß ihr Leben ganz in diesen Interessen aufging. Ihr strafbares Tun reichte bei dieser Sachlage objektiv und subjektiv nicht über den Rahmen bloßer Beihilfe hinaus. Rechtlich gesehen stellt sich ihre Handlung als eine Beihilfe zum Hochverrat und zur Spionage dar. Die Taten der Angeklagten sind dabei keine selbständigen Handlungen. Die Angeklagte hat aus einer gleichbleibenden Einstellung der Hilfsbereitschaft ihrem Mann gegenüber gehandelt, wie sie es als Ehefrau auch in andern Fällen zu tun gewohnt war, wobei die im einzelnen verfolgten Zwecke für sie ohne persönliches Interesse waren. Die Angeklagte war danach aus §§ 49, 83 Abs. 1, 3 Ziff. 1, 3, 73 RStGB., § 2 KSSVO. zu verurteilen. Von der Möglichkeit, für den Gehilfen die gleiche Strafe anzusetzen, wie für den Haupttäter, wurde im Hinblick auf die verhältnismäßig geringe Betätigung der Angeklagten und wegen des erheblichen Unterschieds in dem Maß der Schuld abgesehen. Der Angeklagten wurden zugute gehalten, daß sie als Amerikanerin aner kennenswertes Verständnis für die deutsche Literatur gezeigt hat und daß sie durch Übersetzung wertvoller deutscher Bücher in die englische Sprache der deutschen Sache gedient hat. Auch wurde berücksichtigt, daß sie als Ausländerin, die erst im Jahre 1929 nach Deutschland kam, der deutschen politischen Entwicklung fremd gegenüberstand und infolge der Geisteshaltung ihres Mannes nur schwer dafür Verständnis aufbringen konnte. Wegen der Gefährlichkeit der Tat, zu der sie Hilfe leistete, konnte die Strafe nicht gering sein. Es wurde danach auf 6 Jahre Zuchthaus und 6 Jahre Ehrverlust erkannt.

5.) Herbert G o l l n o w .

Der Angeklagte Herbert Gollnow wurde am 13. Juli 1911 als einziges Kind eines mittleren Beamten in Berlin geboren. Er besuchte die Volksschule, das Luise-Gymnasium, die Fichte-Realschule und eine Oberrealschule in Berlin. Ostern 1931 bestand er die Reifeprüfung. Er ging zur Reichsbahn und wurde hier Reichsbahninspektor. 1938 schied er aus dem Reichsbahndienst aus und trat als Konsultssekretär beim Auswärtigen Amt ein. Nach Ableistung mehrerer militärischer Übungen wurde er am 1. April 1939 zum Leutnant der Luftwaffe d.B. ernannt und im Juli 1940 als Lehrer für Flugzeugtypenkunde zur Kampffliegerschule Tutow eingezogen. Am 1. Juli 1941 wurde er zum Oberleutnant der Luftwaffe d.B. befördert. Die Tätigkeit in Tutow befriedigte ihn nicht. Er nahm an

einem

- 10 -

einem Fallschirmjäger-Lehrgang teil und meldete sich mehrmals zum Frontdienst. Am 12. Oktober 1941 wurde er durch Vermittlung des Angeklagten Schulze-Boysen zum Oberkommando der Wehrmacht - Amt Ausland Abwehr II - kommandiert. Er arbeitete in dem Referat SON., das mit der Durchführung von Sabotageunternehmungen im Südabschnitt der Ostfront beschäftigt war.

Der Angeklagte ist im evangelischen Glauben erzogen worden und persönlich gottgläubig. Er ist gerichtlich und militärisch unbestraft. In seiner letzten militärischen Beurteilung wird er als gute militärische Erscheinung mit strafem militärischen Wesen und als ein charakterlich einwandfreier, geistig über dem Durchschnitt stehender Offizier mit guten Leistungen auf seinem Fachgebiet bezeichnet.

Der Angeklagte ist ein begabter und strebsamer, aber auch ehrgeiziger Mensch. Seine Tätigkeit als Sekretär des Auswärtigen Amtes füllte ihn nicht voll aus. Neben seinem Dienst bereitete er sich deshalb für die höhere Beamtenlaufbahn und für ein akademisches Studium vor. Um die für den höheren Dienst im Auswärtigen Amt erforderlichen Sprachkenntnisse zu erwerben, suchte er einen Lehrer, den er im Jahre 1938 in der Person der Angeklagten Harnack fand. Der Sprachunterricht bei ihr wurde bis Anfang August 1942 fortgesetzt. Die gemeinsame Arbeit brachte beide Angeklagten auch menschlich einander näher. Gollnow faßte zur Angeklagten Harnack, die ihm als das Idealbild einer Frau erschien, eine tiefe Zuneigung und Verehrung.

Bald nach Beginn des Unterrichts kam der Angeklagte mit dem Angeklagten Dr. Harnack in Berührung, der ihm zunächst rein gefühlsmäßig unsympathisch war. Erst im Jahre 1941, als Gollnow ernsthaft erwog, zu studieren, kamen er und Dr. Harnack einander näher, nachdem Frau Harnack erklärt hatte, daß ihr Mann Gollnow bei seinem Studium behilflich sein könnte. Harnack fand Gefallen an Gollnow, weil er in ihm einen aufgeschlossenen und strebsamen Menschen erkannte, und war bereit, mit Gollnow wissenschaftlich zu arbeiten. Diese gemeinschaftliche wissenschaftliche Arbeit wurde von beiden Angeklagten alsbald aufgenommen und bis Anfang August 1942 fortgesetzt.

Harnack teilte den Wunsch Gollnows, sein Studium auf dem auslandswissenschaftlichen Institut fortzusetzen, dem Angeklagten Schulze-Boysen mit, dessen Lehrtätigkeit an diesem Institut ihm bekannt war, ohne Gollnow selbst etwas davon zu sagen. Schulze-Boysen setzte sich daraufhin mit Gollnow in Verbindung und versuchte dessen Versetzung an seine eigene Dienststelle zu erreichen, was ihm aber nicht gelang. Er erreichte aber die Kommandierung Gollnows an das OKW. - Abteilung Abwehr -. Danach trafen sich Schulze-Boysen und Gollnow mehrfach auf ihren Dienststellen, kamen aber auch außerdienstlich zusammen. Auch Schulze-Boysen fand Gefallen an Gollnow. Er sowohl wie Harnack hielten eine politische Beeinflussung des jungen Offiziers im Sinne ihrer politischen Ideen für möglich und bemühten sich, ihn allmählich in ihre kommunistischen Gedanken einzuführen. Beide gaben sich jedoch niemals offen als Kommunisten zu erkennen, gewährten Gollnow auch keinen Einblick in ihre illegale Tätigkeit und ließen ihn auch nicht wissen, daß sie untereinander bekannt waren. Einmal nahm Gollnow an einer Abendveranstaltung mit Tanz im Hause von Schulze-Boysen teil, die ihm aber wegen des freien Tones in keiner Weise zusagte. Er berichtete über seinen gewonnenen ungünstigen Eindruck dem Angeklagten Harnack, der ihm riet, die Gesellschaft Schulze-Boysens zu meiden.

Bei gelegentlichen Besuchen in dem Dienstzimmer Schulze-Boysens hatte Gollnow Gelegenheit, einige der blauen Nachrichtenblätter des DNB. zu lesen. Einmal bekam er auch die Schrift Schulze-Boysens über Napoleon in die Hand. Gollnow überflog diese jedoch nur kurz, ohne ihren wahren Sinn in sich aufzunehmen. Schließlich ließ sich Gollnow von Schulze-Boysen für seine wissenschaftlichen Arbeiten einige Bücher, so eines über Lenin und über die Jugend in der Sowjetunion, die ihm durch den Angeklagten Heilmann gebracht wurden. Nach dem Besuch des erwähnten Tanzabends zog er sich von Schulze-Boysen zurück.

Die gemeinsame Arbeit der Angeklagten Gollnow und Harnack befaßte sich

sich mit nationalökonomischen Studien vornehmlich des Ostraumes. Harnack führte Gollnow auch in die marxistisch-sozialistische wissenschaftliche Literatur ein. U.a. arbeitete er mit ihm - rein studienmäßig - das Buch von Karl Marx "Das Kapital" durch. Bei der gemeinsamen Arbeit kam es auch zu politischen Gesprächen. Im Laufe der Zeit erkannte Gollnow, daß Harnack den Nationalsozialismus nicht rückhaltlos bejahte, vielmehr eine ausgesprochen sozialistische, mehr sowjetfreundliche Gesinnung hatte. Gollnow als alter Nationalsozialist und Parteigenosse trat Harnack zu nächst entgegen, wurde aber im Laufe der Zeit unter dem Eindrucke der Ausführungen Harnacks selbst unsicher. Die rein kommunistische Einstellung und die hochverräterische Tätigkeit Harnacks erkannte er dabei ebenso wenig wie die des Schulze-Boysen.

In dem Bemühen, die ihm als Ausfluß eines politischen Pessimismus erscheinenden Gedanken Harnacks zu widerlegen und zu entkräften, teilte ihm Gollnow nach Ausbruch des gegenwärtigen Krieges mehrfach Dinge mit, die ihm dienstlich bekannt geworden und die teilweise als Geheime Kommandosache zu behandeln waren. So erzählte er ihm, daß er für ein Unternehmen in Aussicht genommen wäre, das von Lissabon aus einen Sabotageakt gegen England zum Inhalt habe. Ferner teilte er im Frühjahr 1942 bei einem Gespräch über den voraussichtlichen Verlauf des deutsch-russischen Krieges dem Harnack mit, daß die Völker des Kaukasus bereit wären, gegen die USSR. zu kämpfen, und daß ausgesuchte Russen im Rahmen deutscher Operationen im Kaukasus als Luftlandetruppen und Fallschirmjäger eingesetzt werden sollten, wobei er durchblicken ließ, daß durch diesen Einsatz die als Offensivziel ausersehene russische Erdölindustrie vor der Zerstörung geschützt werden solle. Im Herbst 1942 unterrichtete er die Ehefrau Harnack darüber, daß er persönlich an einem von Norwegen aus zu startenden Englandflug teilnehmen werde, bei dem zur Durchführung eines Sabotageunternehmens 2 Iren über der Insel abgesetzt werden sollten. Er sprach auch von einem geheim behandelten Plan, Moskau durch russische Kriegsgefangene zu erobern. Schließlich machte er Harnack Angaben über die Organisation der deutschen Abwehr in Rußland und erzählte ihm, daß ein wohlorganisiertes Netz deutscher Vertrauensleute über ganz Rußland vorhanden sei. Auf Befragen nannte er Kuybischew als Standort eines deutschen Agenten.

Nach dem Gutachten der Abwehrabteilung beim Oberkommando der Wehrmacht hatten zumindest die Mitteilungen des Angeklagten über den Einsatz fremdstämmiger Fallschirmtruppen im Kaukasus und über das Vorhandensein eines deutschen Agenten in Kuybischew in objektiver Hinsicht Staatsgeheimnisse zum Gegenstand.

Der Angeklagte gibt dies alles zu. Nach seinem eigenen Geständnis hat er Harnack, der nicht zum Kreis der Geheimnisträger rechnete, vorsätzlich Staatsgeheimnisse preisgegeben und damit fahrlässig eine schwere Gefährdung des Reichswohls herbeigeführt. Er hat sich damit eines Vergehens nach § 90d RStGB. schuldig gemacht. Zugleich hat er durch dieselbe Handlung einen schweren Ungehorsam im Felde (§ 92 Abs. 1, 2 MStGB.) begangen, indem er entgegen dem grundsätzlichen Führerbefehl vom 20. Januar 1940 seine Geheimhaltungspflicht gröblich verletzt hat.

Die Anklage legt darüber hinaus Gollnow zur Last, die hochverräterischen Pläne und Handlungen Harnacks und Schulze-Boysens erkannt und die erforderliche Anzeige bei den zuständigen Behörden unterlassen zu haben. Schließlich wird er beschuldigt, Dienstpflichtverletzung im Felde dadurch begangen zu haben, daß er russische Kriegsgefangene, die dienstlich seiner Gewalt unterstanden und die wegen kommunistischer Zellenbildung hätten erschossen werden sollen, ihrer Strafe durch Versetzung in ein anderes Lager absichtlich entzogen zu haben.

Der Angeklagte bestreitet, sich insoweit schuldig gemacht zu haben. Er gibt an, das hochverräterische Treiben Harnacks und Schulze-Boysens nicht erkannt zu haben; der Gedanke, daß beide Männer, die ihm als höherer Beamter in hervorgehobener Stellung bzw. als Offizier in einem Ministerium gegenübergetreten wären, sich hochverräterisch betätigen oder auch nur gesinnungsmäßig Kommunisten sein könnten, sei ihm niemals gekommen.

kommen.

kommen. Dagegen gibt er zu, der Angeklagten Ehefrau Harnack gegenüber einmal davon gesprochen zu haben, daß er russische Kriegsgefangene vor dem Tode des Erschießens bewahrt hätte. An dieser Erzählung sei jedoch nichts Wahres gewesen. Er habe die fragliche Behauptung nur aufgestellt, um sich gegenüber der Angeklagten Harnack den Anschein besonderer Menschenfreundlichkeit zu geben und dadurch einen guten Eindruck zu machen.

Der Senat hat dem Angeklagten geglaubt, daß er das hochverräterische Treiben der Mitangeklagten nicht erkannt hat. Er hat dabei einerseits berücksichtigt, daß Gollnow im Grunde ein anständiger Charakter ist und ursprünglich auch ein voll überzeugter Nationalsozialist war, sowie andererseits, daß die Angeklagten Harnack und Schulze-Boysen, wie sie unabhängig voneinander ausdrücklich zugegeben haben, ihre Gesinnung und ihre Pläne Gollnow gegenüber absichtlich tarnten. Rückschauend mag es auffällig sein, daß Gollnow als kluger Mensch die beiden nicht klar erkannt hat; versetzt man sich aber in die Verhältnisse, unter denen der empfängliche, strebsame junge Offizier, der aus einfachem Hause kam, dem hochgestellten Ministerialbeamten und dem älteren, geistig ihm überlegenen Offizier im Reichsluftfahrtministerium gegenübertrat, so wird die Schutzbehauptung des Angeklagten verständlich. Demzufolge ist der Angeklagte des Unterlassens einer Anzeige (Verbrechen gegen § 139 RStGB.) nicht zu überführen.

Für die Annahme, daß der Angeklagte russische Kriegsgefangene absichtlich der verdienten Strafe entzogen habe, besteht keinerlei Anhalt. Es muß unterstellt werden, daß seine dahingehenden Angaben frei erfunden waren. Der Beweggrund für seine Erzählung beweist aber, daß der Angeklagte die russenfreundliche Einstellung der Eheleute Harnack erkannt hatte und daß er bereit war, ihnen unter Opferung seiner Wahrheitsliebe und seines Anstandsgefühls entgegenzukommen.

Bei der Strafzumessung war davon auszugehen, daß Gollnow selbst in der Abwehr tätig war und genau wußte, daß die Geheimhaltung die wichtigste Grundlage jeder Abwehrtätigkeit ist, daß wiederholt strengste Befehle ergangen sind, und daß er nicht nur einmal, sondern mehrfach Staatsgeheimnisse oder doch vertraulich zu behandelnde Angelegenheiten ohne allen Grund ausgeplaudert hat. Das Reichswohl war besonders schwer gefährdet, weil die Preisgabe gegenüber einem mit dem Feind in Verbindung stehenden Hochverräter erfolgte, wenn dies dem Angeklagten auch nicht bewußt war. Die Größe der objektiven Gefahr wird nicht dadurch gemindert, daß Harnack die ihm gemachten Mitteilungen - soweit feststellbar - nicht weitergegeben hat. Diese Gefahr hat der Angeklagte zu verantworten. Da er Soldat war, unterliegt seine Tat der erschwerten Strafandrohung des § 92 Abs. 2 MStGB. Die gekennzeichneten erschwerenden Begleitumstände, insbesondere das Maß des gezeigten Leichtsinns, die Disziplinlosigkeit gegenüber strengsten Befehlen und die Belange der Kriegführung fordern die äußersten Konsequenzen des Gesetzes. Der Senat hat deshalb auf Todesstrafe erkannt.

Es unterliegt keinem Zweifel, daß Gollnow das Opfer der Hinterhältigkeit und der planmäßigen Verleitung insbesondere des Mitangeklagten Harnack geworden ist. Der Angeklagte hat während des Krieges mehrfach seine Einsatzbereitschaft zu erkennen gegeben und durch überdurchschnittliche gewissenhafte Arbeit dem nationalsozialistischen Staat wertvolle Dienste geleistet. Wenn auch seine nationalsozialistische Gesinnung unter den Einwirkungen der Mitangeklagten erschüttert worden ist, so ist er doch keineswegs als Kommunist anzusehen. Der Senat hat deshalb und in Rücksicht darauf, daß der Angeklagte kein vorsätzlicher Verräter ist, davon abgesehen, ihm die bürgerlichen Ehrenrechte abzusprechen.

Dagegen hatte die Verurteilung zur Todesstrafe zwangsläufig den Verlust der Wehrwürdigkeit zur Folge (§ 31 Ziff. 1 MStGB.)

6.) Horst Heilmann.

Der Angeklagte Horst Heilmann wurde am 15. April 1923 als Sohn des damaligen Privatdozenten an der technischen Hochschule in Dresden Adolf

Heilmann

Heilmann geboren. Er besuchte die Volksschule und das Realgymnasium in Halle, wo sein Vater später als Stadtbaurat beschäftigt war. Von 1934 ab, nach der Pensionierung seines Vaters und nach der Übersiedlung der Eltern nach Berlin, besuchte er die Herder-Schule, wo er Ostern 1940 die Reifeprüfung bestand. Anschließend genügte er seiner Arbeitsdienstpflicht. Am 1. September 1940 begann er sein Studium an der auslandswissenschaftlichen Fakultät der Universität Berlin mit der Absicht, später in den diplomatischen Dienst zu treten. Am 26. August 1941 wurde er auf seine freiwillige Meldung hin zur 4. Nachrichten-Ersatz-Abteilung in Stahnsdorf eingezogen, alsbald zur Nachrichten-Dolmetscher-Schule kommandiert und nach Ablegung der vorgeschriebenen Prüfung Anfang März 1942 zur Dechiffrierabteilung im OKH. versetzt.

Er ist römisch-katholischen Bekenntnisses, ledig und bisher unbestraft. Er gehörte der Hitler-Jugend an, in der er sich mit Erfolg als Führer betätigte und ist seit September 1941 Mitglied der NSDAP. und des NS.-Studentenbundes.

Im Herbst 1940 lernte Heilmann den Angeklagten Schulze-Boysen kennen, der in dem Seminar der auslandswissenschaftlichen Fakultät eine Übung abhielt, an welcher Heilmann teilnahm. Eine gut gelungene Arbeit Heilmanns über das Thema "Die Sowjets und Versailles" brachte beide Angeklagten in nähere Berührung, die dazu führte, daß der kluge und geistig gut veranlagte Heilmann seinen Lehrer, den Angeklagten Schulze-Boysen schließlich verehrte und vergötterte, ohne zunächst dessen wahre politische Einstellung zu erkennen. Schulze-Boysen führte Heilmann auch in sein Haus ein, wo dieser die Angeklagte Schulze-Boysen kennenlernte, und veranlaßte ihn schließlich, gemeinschaftlich mit ihm eine Diplomarbeit über das Thema "Kreuzzug gegen Moskau" zu beginnen. Bei dieser gemeinschaftlichen wissenschaftlichen Arbeit und bei dem damit verknüpften häufigen Meinungs-austausch erkannte Heilmann die gegenüber der nationalsozialistischen Staatsführung negative und sowjetfreundliche Einstellung Schulze-Boysens. Unter dessen Einfluß verlor er selbst seine bis dahin vorbehaltlos nationalsozialistische Haltung.

Im Anschluß an eine Segelpartie am 30. August 1942 sprach sich Schulze-Boysen Heilmann gegenüber offen aus. Dieser erkannte jetzt zweifelsfrei, daß Schulze-Boysen illegal für den Kommunismus arbeitete, und daß er, wenn auch nicht selbst eine unmittelbare Verbindung mit Moskau, so doch eine solche mit Leuten hatte, die ihrerseits mit Moskau in Verbindung standen. Schulze-Boysen erklärte seinem Schüler, daß er nunmehr entschlossen sei, aktiv politisch d.h. staatsfeindlich zu arbeiten. Heilmann stellte sich ihm zur Mitarbeit zur Verfügung. Im Zusammenhang damit erzählte er, daß die meisten Funkschlüssel der illegalen Ostagenten im OKH. bekannt wären. Heilmann hatte dies dienstlich erfahren. Als Schulze-Boysen ihn aufforderte, ihm entschlüsselte Funksprüche mitzuteilen, aus denen Ort und Schlüssel von illegalen Sendern und gegebenenfalls die Namen von erkannten, in Berlin wohnhaften illegalen Agenten zu entnehmen wären, war er sofort dazu bereit. Er erkannte, daß es Schulze-Boysen darum ging, die mit der illegalen Sendetätigkeit befaßten Personen zu warnen.

Am folgenden Tage suchte Heilmann auf seiner Dienststelle einen Funkspruch vom 29. August 1941 heraus, der sich mit Kuckhoff, Arwid (Angeklagter Harnack), "Choro" und Alexander Erdberg befaßte. Er schrieb den Funkspruch ab, um ihn Schulze-Boysen zu bringen. Ferner entwendete er zum gleichen Zweck die Schlüssel für die illegalen Sendergruppen "Wenzel" und "Tino" sowie eine Aufstellung über Westnetzagenten und Westnetzagentenzeichen. Unmittelbar darauf erfuhr er durch seinen Abteilungsleiter, daß sich hinter dem Decknamen "Choro" der Mitangeklagte Schulze-Boysen verbarg und daß dieser selbst mit seiner Ehefrau als Agenten Moskaus entlarvt seien.

Der Angeklagte Heilmann will - wie er angibt - geglaubt haben, keinen Schaden anzurichten, weil es sich um alte entschlüsselte Dinge gehandelt habe. Er will nur in der Absicht gehandelt haben, seinem verehrten Lehrer, an dessen Freundschaft ihm viel gelegen war, einen Ver-

trauensbeweis

trauensbeweis zu erbringen, ihm aber nur wertloses Material verschafft haben, um nicht gegen seine Dienstpflicht zu verstößen. Der Senat hat dies dem Angeklagten nicht geglaubt. Heilmann hatte sich Schulze-Boysen bereits mit Leib und Seele verschrieben. Der Funkspruch, wenn auch älteren Datums, war erst in jüngster Zeit entschlüsselt worden. Es war für Schulze-Boysen von großem Wert, zu erfahren, daß eine illegal arbeitende Sendegruppe entdeckt und ihre Schlüssel bekannt geworden waren; denn er konnte nunmehr die dahinter stehenden Personen warnen. Es ist unmöglich, daß Heilmann, ein kluger, weit über den Durchschnitt begabter Mensch dies nicht erkannt haben sollte und daß er noch Hemmungen gehabt haben sollte, nachdem er vor der Wahl zwischen seinem Vaterland und dem Staatsfeind Schulze-Boysen sich eindeutig für diesen entschieden hatte.

Heilmann war bereit, daß beiseite gebrachte Material an Schulze-Boysen weiterzuläiten. Lediglich durch dessen Festnahme kam es nicht mehr dazu. Dagegen traf sich Heilmann am 3. September 1942 mit der Angeklagten Ehefrau Schulze-Boysen. Er gab ihr Einblick in den entwendeten Funkspruch und teilte ihr gleichzeitig mit, daß fast alle Funksprüche der "roten Kapelle" abgehört und entschlüsselt worden wären und daß ihr Ehemann unter dem Namen "Choro" und sie selbst als Ehefrau des "Choro" darin erwähnt würden. Gleichzeitig besprach er mit ihr, was man zur Rettung ihres Mannes und der Mitbeteiligten tun könnte. Im gleichen Sinne unterrichtete er am folgenden Tage den Angeklagten Graudenz, der daraufhin eine Reihe von Mitbeschuldigten warnte. Auf Bitten von Frau Schulze-Boysen schaffte er wichtiges belastendes Material, u. a. eine Reihe von Büchern und die Ausarbeitung der gemeinschaftlichen wissenschaftlichen Diplomarbeit aus der Wohnung Schulze-Boysens in das Haus der ihm persönlich bekannten Schauspielerin Holsey.

Der Angeklagte gibt den objektiven Sachverhalt zu. Er gibt auch zu, geheimhaltungsbedürftige Gegenstände den Angeklagten Eheleuten Schulze-Boysen gegenüber preisgegeben zu haben. Er bestreitet aber, in landesverräterischer Absicht gehandelt zu haben, weil er nichts von einer Verbindung Schulze-Boysens mit Moskau gewußt haben will. Diese Verteidigung ist unglaubwürdig. Der Angeklagte war trotz seiner Jugend geistig viel zu gewandt und außerdem mit Schulze-Boysen viel zu vertraut, als daß er nicht die Zusammenhänge völlig klar erkannt hätte.

Heilmann hat es danach unternommen, im Krieg Staatsgeheimnisse - als solche ist das von ihm entwendete Material anzusehen - an einen andern gelangen zu lassen, von dem er wußte, daß er, wenn auch auf dem Umweg über Dritte, mit dem Feind in Verbindung stand. Er ist der Spionage (§ 2 KSSVO.) schuldig und deshalb mit dem Tode zu bestrafen.

Er hat ferner dadurch, daß er seine Kenntnisse um die Aufdeckung der Agententätigkeit Schulze-Boysens dessen Ehefrau übermittelte und dadurch diese und den Angeklagten Graudenz warnte und endlich dadurch, daß er belastendes Material beseitigte, ein Verbrechen der Feindbegünstigung (§ 91b RStGB.) begangen, das bei dem im Wehrdienst stehenden Angeklagten als Kriegsverrat zu bewerten (§ 57 MStGB.) und mit dem Tode zu bestrafen war. Die Verbrechen der Spionage und des Kriegsverrats stehen in Tateinheit.

Die Verurteilung zur Todesstrafe hat zwangsläufig den Verlust der Wehrwürdigkeit zur Folge (§ 31 Ziff. 1 MStGB.). Daneben waren dem Angeklagten die bürgerlichen Ehrenrechte auf Lebensdauer abzuerkennen.

7.) Kurt S c h u m a c h e r .

Der Angeklagte wurde am 6. Mai 1905 in Stuttgart als Sohn eines Redakteurs und Leiters einer kommunal-politischen Zeitung geboren. Sein Vater war Mitglied und Funktionär der sozialdemokratischen Partei Deutschlands und erzog seine Kinder im sozialdemokratischen Sinn. Der Angeklagte besuchte die Mittelschule in Stuttgart und lernte sodann in Berlin 4 Jahre als Holzbildhauer. Nach Beendigung der Lehrzeit besuchte er die Hochschule für Bildende Künste in Berlin. Im Jahre 1935 richtete er sich ein eigenes Atelier in Berlin-Tempelhof. Im Jahre 1934 hat er sich verheiratet.

Der

Der Angeklagte wurde am 7. Juli 1941 zum Landes-Schützen-Bataillon 6/22 Posen eingezogen. Am 22. Juli 1942 erfolgte auf seinen Antrag seine Versetzung nach Berlin zum Landesschützenzug 311/2. Kompanie. Der Angeklagte ist nicht vorbestraft.

Bereits im Jahre 1929 lernte der Angeklagte den Schulze-Boysen im "Gegnerkreis" kennen und näherte sich ihm freundschaftlich. Ein gegenseitiger Besuch der Familien führte zu politischem Meinungsaustausch, an dem in der Folgezeit auch der ehemalige Kommunist Küchenmeister, der Angeklagte Coppi und Dr. Paul teilnahmen. Bei den Diskussionen setzte man sich für ein Sowjet-Deutschland eigener Prägung ein. Etwa seit 1936 betätigte sich der Angeklagte auch bei der Flugblatt-Propaganda der Gruppe Schulze-Boysen. An dem Flugblatt "Der Stoßtrupp" beteiligte er sich durch fotografisches Kopieren. Die Flugblätter "Organisiert den revolutionären Massenkampf", "Brief an einen Polizeihauptmann" und "Die innere Front" las er und gab sie weiter. An einer Reihe von weiteren Flugblättern, die er im einzelnen nicht mehr anzugeben vermag, hat er bei der Verbreitung mitgewirkt. Nachdem er am 7.6.1941 zum Militär nach Posen einberufen worden war, trug er dort seine kommunistischen Ideen an Soldaten heran, die er für eine Beeinflussung als geeignet hielt. Zu diesem Zweck ließ er sich von Schulze-Boysen und von seiner Frau getarnt Berichte und Hetzschriften schicken. Darunter befand sich auch die Schrift "An einen Polizeihauptmann".

Der Angeklagte hat auch Verstecke für die illegalen Flugblätter in seiner und in anderen Wohnungen angelegt.

Der Angeklagte hat sich ferner dem Russen "Erdberg" gegenüber im Juni 1941 bereit erklärt, an der Funkverbindung mit Moskau als Funker teilzunehmen. Als er durch seine Einberufung daran gehindert wurde, hat er seine Frau angewiesen, einem russischen Agenten, der sich melden würde, Hilfe zu leisten. Nach seiner Rückkehr nach Berlin nahm er den russischen Fallschirmspringer Höbler 3 Wochen in seiner Wohnung auf und duldete, daß von dort aus Funkversuche unternommen wurden. Besonders verwerflich ist, daß er als Soldat in Uniform sich mit dem russischen Fallschirmspringer an seiner eigenen Kaserne zu Rücksprachen getroffen hat.

Der Angeklagte ist ein Fanatiker mit kommunistischer Tendenz. Er selbst erklärt, nicht eigentlicher Kommunist zu sein, das Zusammengehen Deutschlands mit Rußland aber für notwendig zu halten. Um die Synthese zwischen dem Nationalsozialismus und der Sowjetunion herbeizuführen, sei es erforderlich gewesen, den Kreis der hinter seiner Gruppe stehenden Leute möglichst umfangreich zu gestalten. Er sei nicht für Rußland als Landesfeind, sondern im Sinne seiner persönlichen Idee tätig gewesen.

Der Angeklagte ist der über den 22. Juni 1941 fortgesetzten Vorbereitung zum Hochverrat, damit der Feindbegünstigung in der Form des Kriegsverrats und zugleich der Zersetzung der Wehrkraft schuldig. Die aus § 57 MStGB. und § 5 KSSVO. zu entnehmende Strafe hierfür kann nur die Todesstrafe sein. Auch die daneben begangene Spionage erforderte nach § 2 KSSVO. die Todesstrafe. Die Ehrlosigkeit der Tat mußte zum Verlust der bürgerlichen Ehrenrechte auf Lebenszeit und zur Aberkennung der Wehrwürdigkeit führen.

8.) Elisabeth Schumacher.

Die Angeklagte wurde am 28. April 1904 in Darmstadt als Tochter des Oberingenieurs bei der AEG. und Hauptmann der Reserve Hohenemser geboren. Ihr Vater war Jude und ist zu Beginn des Krieges 1914 gefallen. Die Mutter ist Arierin. Die Angeklagte hat die höhere Töchterschule in Meiningen und später die Kunstgewerbeschule in Offenbach a.M. besucht. Von 1929 bis 1935 besuchte sie in Berlin die Vereinigten Staatsschule in der Hardenbergstraße. Im Jahre 1934 heiratete sie den Angeklagten Kurt Schumacher.

Die Angeklagte ist nicht vorbestraft.

Die Angeklagte gehörte dem Kreise um Schulze-Boysen an. Unter dem Einfluß ihres fanatischen Mannes eignete sie sich auch innerlich dessen

Gedankengut

Gedankengut an und wurde, wie er überzeugte Kommunistin. Sie half bei der Vervielfältigung und Verbreitung der Flugblätter "Der Stoßtrup", "Organisiert den revolutionären Massenkampf" und "Innere Front". Nach der Abreise ihres Mannes nach Posen übersandte sie diesem nach dort in getarnten Schreiben Hetzschriften und politische und militärische Nachrichten von Interesse, wobei ihr bekannt war, daß ihr Mann diese im Kameradenkreis zirkulieren ließ. Bei der Verlesung einer der Schriften war sie selbst zugegen. Im Frühjahr 1941 vermittelte sie einen Funk Schlüssel des russischen Agenten "Erdberg" an Schulze-Boysen und nahm von dem Russen unmittelbar nach Beginn des Rußlandfeldzuges 10000 RM für illegale Zwecke, insbesondere für Zwecke der Errichtung einer Funkverbindung, entgegen. Das Geld verteilte sie unter die Helfershelfer. Als der russische Fallschirmspringer Hübler Mitte August 1942 auftauchte, nahm sie ihn 3 Wochen lang in ihrer Wohnung auf und beköstigte ihn, verpackte das Sendegerät und stellte die Verbindung zwischen dem Agenten und Schulze-Boysen her. Sie duldete und förderte die Senderversuche in ihrer Wohnung und gab dem Agenten eine Aktentasche zum Verpacken des Senders und einen Koffer zur Aufbewahrung der deutschen Uniform, in der er abgesprungen war. Außerdem verwahrte sie für ihn Geld und überbrachte ihm noch nach Aufdeckung der Spionageaffäre und Festnahme des Schulze-Boysen den Rest seines persönlichen Eigentums. Sie warnte den Angeklagten Coppi und schaffte belastendes Material beiseite.

Bei der umfangreichen Tätigkeit der Angeklagten und bei der Selbständigkeit, mit der sie während der Abwesenheit ihres Mannes diesen in den Angelegenheiten der Verratsgruppe vertreten hat, konnte ihr Tun nicht mehr als Beihilfe gewertet werden. Sie ist der Vorbereitung des Hochverrats (§ 83 Abs. 2, Abs. 3 Ziff. 1, 2, 3), der Feindbegünstigung (§ 91b RStGB.) in einheitlicher Tat und der Spionage (§ 2 KSSVO.) schuldig und mußte aus allen Gesichtspunkten zum Tode verurteilt werden. Zugleich war auf dauernden Verlust der bürgerlichen Ehrenrechte zu erkennen.

9.) Hans C o p p i .

Der Angeklagte Hans Coppi wurde am 25. Januar 1916 in Berlin als Sohn des Malermeisters Robert Coppi geboren. Er besuchte bis zum 10. Lebensjahr die Gemeindeschule und anschließend bis zum 16. Lebensjahr die Aufbauschule auf der Insel Scharfenberg im Tegler See, die er mit dem Zeugnis der mittleren Reife verließ. 1932 trat er dem Fichtepfadfinderbund bei. Nach seiner Schulentlassung Ostern 1933 betätigte er sich als Landhelfer und Hausdiener. 1938 ging er als Hilfsarbeiter in die Maschinenfabrik Max Ehmke in Tegel, wo er als Dreher angelernt wurde und bis zum Eintritt in die Wehrmacht blieb. Am 10. September 1942 wurde er zum Inf.Ers.Batl. 479 nach Schrimm bei Posen eingezogen.

Der Angeklagte ist im evangelisch-lutherischen Glauben erzogen worden, 1938 aber aus der Kirche ausgetreten. Er ist verheiratet. Seine Ehefrau erwartet ihre Niederkunft.

Coppi ist überzeugter Kommunist. Bereits im Jahre 1934 wurde er wegen kommunistischer Betätigung in Schutzhaft genommen, am 4. August 1934 wegen Vorbereitung zum Hochverrat zu 1 Jahr Gefängnis (Urteil des 4. Strafsenats des Kammergerichts OJ 250/34) und am 2. September 1935 wegen Verbreitung verbotener Druckschriften vom Schöffengericht Berlin zu 4 Wochen Gefängnis (608 I Pol.A.M. 50/34) verurteilt. Diese Strafen hielten ihn nicht ab, sich weiterhin kommunistisch zu betätigen.

Im Sommer 1939 nahm Coppi wieder die Verbindung mit seinen Bekannten aus der kommunistischen Jugendbewegung auf. Es bildete sich ein Kreis, in dem politisch, mit ausgesprochen kommunistischer Tendenz debattiert wurde. Daran nahmen neben dem Angeklagten sein Jugendfreund Karl Böhme, Wolfgang Thieß, die Eheleute Jutta und Viktor Dubinski, Walter Schürmann und die Eheleute Cay und Erika von Brockdorff, die mitangeklagt ist, teil. Die Teilnehmer trafen sich anfangs in der Wohnung Böhmes und vom Winter 1940 ab in der Wohnung der Eheleute Brockdorff. Ende 1940 beschlossen Coppi, Thieß und Schürmann, sich aktiver für den

Kommunismus

Kommunismus, vor allem durch Arbeit in den Betrieben, zu betätigen. Dieses Vorhaben wurde dadurch unterbunden, daß Coppi als Funker in die Gruppe Schulze-Boysen eingereiht wurde.

Coppi hatte schon 1937 den Angeklagten Schumacher kennengelernt, über dessen kommunistische Einstellung er sich bald klar wurde. Zu seinen Bekannten gehörte auch sein Schulkamerad aus Scharfenberg, der Wetterdienstinspektor Scheel, der ebenfalls linksradikal eingestellt war. Im Jahre 1939 kam er durch Scheel dem Angeklagten Schulze-Boysen näher. Etwa im Mai 1941 forderten Schulze-Boysen und der Russe Alexander Erdberg den Angeklagten zur Mitarbeit auf. Dieser war sofort bereit, ohne zu fragen, worum es sich handelte. Er wußte aber, daß nur eine illegale kommunistische Arbeit in Frage kam. Von dieser Zeit an vernachlässigte er seinen alten Kreis und schloß sich mehr der Gruppe um Schulze-Boysen an. Er las die Hetzschriften dieser Gruppe und gab sie weiter, so u.a. die Schrift "Organisiert den revolutionären Massenkampf gegen Faschismus und Imperialistischen Krieg". Er beteiligte sich auch im Frühjahr 1942 an der Klebezettelaktion und klebte im Wedding und Moabit gemeinsam mit seiner Frau wenigstens 35 solcher Zettel an.

Der Angeklagte gibt dies alles zu. Seine Verteidigung, daß er sich im Leben benachteiligt gefühlt und deshalb der kommunistischen Bewegung zur Verfügung gestellt habe, kann sein Verhalten nicht entschuldigen. Er hat sich der Vorbereitung zum Hochverrat (§ 83 Abs. 2, 3 RStGB.) und, da seine Handlungen zum größten Teil in die Zeit nach Beginn des deutsch-russischen Krieges fallen, zugleich der Feindbegünstigung (§ 91b RStGB.) schuldig gemacht. Rechtlich handelt es sich um ein fortgesetztes Verbrechen, für welches gemäß § 73 RStGB. die Strafe dem § 91b RStGB. zu entnehmen ist. Danach hat er die Todesstrafe verwirkt.

Im Mai 1941 wurde Coppi durch die Vermittlung des Angeklagten Schumacher von dem Angeklagten Schulze-Boysen als Funker für einen Kurzwellen-Nachrichten-Verkehr mit Moskau gewonnen. Die Nachrichten sollten ihm verschlüsselt zugetragen werden. Schulze-Boysen vermittelte auch eine Zusammenkunft Coppis mit Alexander Erdberg, der Coppi zunächst auf seine Zuverlässigkeit prüfte. Etwa Mitte Juni 1941 gab Erdberg bei einem Zusammensein an der Mole in Marquardt Coppi nähere Anweisung über den beabsichtigten Funkverkehr. Am Tage vor Ausbruch des deutsch-russischen Krieges wurde schließlich Coppi in der Wohnung der Eheleute Schumacher der erste Sender übergeben. Etwa um dieselbe Zeit erhielt Coppi von Erdberg am S-Bahnhof Deutschlandhalle einen zweiten Kurzwellensender ausgehändigt. Mit beiden Apparaten versuchte Coppi in eine Funkverbindung mit Moskau zu kommen. Infolge falscher Behandlung des Geräts gelang ihm dies nicht. Er lernte dann durch Husemann den Angeklagten Schulze kennen, der ihm einen 3. Sendeapparat brachte und mit ihm zusammen das Funken übte. Aber auch mit diesem 3. Apparat gelang es Coppi nicht, die gewünschte Verbindung herzustellen. Schließlich brachte im August 1942 der Kommunist Helmut Hößler den 4. Funkapparat. Teilweise zusammen mit Hößler unternahm Coppi in der Wohnung der Angeklagten von Brockdorff mehrfach Funkversuche. Bei einem dieser Versuche soll es Hößler gelungen sein, eine Verbindung mit Moskau zu erreichen.

Während der ganzen Zeit der Sendebemühungen wurden die zu übermittelnden Nachrichten Coppi durch die Vermittlung einer Frau Schlösinger und eines gewissen Behrens zugetragen. Die Nachrichten waren vorher vom Angeklagten Harnack verschlüsselt worden. Coppi wußte, daß es sich um politisch und militärisch wichtige Nachrichten für Moskau handelte und war - allerdings ohne Erfolg - bemüht, sie durchzugeben.

Vom Angeklagten Schulze hörte Coppi im Frühjahr 1942, daß eine Fabrik in Bernau Granatwerferaufsätze herstellte, mit denen Geschosse von starker Durchschlagkraft und Explosivwirkung abgeschossen würden. Coppi, der diese Nachricht nach Moskau weitergeben sollte, übermittelte sie dem Angeklagten Graudenz, von dem er wußte, daß er über Heidelberg einen Weg nach der Schweiz hatte.

Am 23. Juni 1941 händigte die Angeklagte Schumacher Coppi 10000 RM aus, die sie von Alexander Erdberg erhalten hatte. Coppi gab 7500 RM

dem

dem Angeklagten Schulze-Boysen weiter, 1600 RM übergab er seiner Mutter zur Aufbewahrung, ohne sie von der Herkunft des Geldes zu unterrichten, während er den Rest für persönliche Bedürfnisse, insbesondere zur Bestreitung der Ausgaben anlässlich seiner Hochzeit verwendete.

Der Angeklagte ist in vollem Umfang geständig. Er ist danach auch der Spionage (§ 2 KSSVO.) schuldig und auch aus diesem Grunde mit dem Tode zu bestrafen. Daneben ist auf Wehrunwürdigkeit und dauernden Verlust der bürgerlichen Ehrenrechte erkannt worden.

10.) Kurt S c h u l z e .

Der Angeklagte Kurt Schulze wurde am 28. Dezember 1894 in Pyritz in Pommern als 7. von 10 Kindern des Bäckermeisters Hermann Schulze geboren. Als er 5 Jahre alt war, zogen seine Eltern nach Berlin. Hier besuchte er die Volksschule. Er lernte 2 1/2 Jahre als Lehrling bei einem Kolonialwarenhändler und wurde anschließend dessen Handlungsgehilfe. Ostern 1913 ging er nach Hamburg, ließ sich als Schiffsjunge anheuern und machte eine Seereise nach Venezuela mit. Nach einem Jahr kehrte er nach Deutschland zurück und betätigte sich als Gelegenheitsarbeiter in verschiedenen Stellungen. Im Mai 1916 wurde er zur 3. Kompanie 1. Werftdivision in Kiel eingezogen, zum F.T.-Gast ausgebildet und als Funktelegrafist verwendet. 1917 wurde er als Fliegerfunker ausgebildet und danach auf den Kreuzer "Stuttgart" kommandiert, wo er bis Kriegsende blieb. Nach seiner Entlassung aus der Marine im Jahre 1918 bemühte er sich vergeblich um eine Stellung als Berufstelegrafist. Er wurde deshalb 1920 Kraftfahrer, unterhielt eine Zeitlang ein Kraftdroschkenunternehmen und war zuletzt bis zu seiner Festnahme Kraftfahrer bei der deutschen Reichspost. Der Angeklagte ist evangelisch erzogen, 1919 aber aus der Kirche ausgetreten. Er ist kinderlos verheiratet und bisher unbestraft.

Schon im Jahre 1920 schloß Schulze sich der KPD. an. Er will 1923 ausgetreten sein, sympathisierte jedoch weiterhin mit dem Kommunismus und schloß sich bis zum Jahre 1928 dem Arbeiter-Turn-Verein Pankow an. Auch nach 1933 blieb er kommunistisch gesinnt.

Im Jahre 1928 lernte Schulze einen Russen kennen, der ihm nach kurzer Prüfung seiner Funkfähigkeiten einen Sender zur Verfügung stellte mit der Weisung, insgeheim zu bestimmten Zeiten auf bestimmten Wellenlängen Buchstaben und Zeichen aufzunehmen. Da die von Schulze aufgenommenen Versuche keinen Erfolg hatten, nahm er das Angebot des Russen, an einem Funklehrgang in Moskau teilzunehmen, an, reiste im April 1929 mit einem gefälschten Paß nach Moskau und nahm mehrere Monate an einem Funkausbildungskurs teil. Nach Deutschland zurückgekehrt wurde ihm von einem anderen unbekanntem Russen ein 2. Funkgerät mit der gleichen Anweisung wie bei der Übergabe des ersten Gerätes gegeben. Der Angeklagte verlor jedoch die Verbindung mit diesem Unbekannten und will den Apparat zerstört haben.

Im Jahre 1936 erhielt Schulze von einem weiteren Unbekannten nochmals ein Sendegerät, mit dem er wieder Nachrichten empfangen und an eine ihm bezeichnete unbekannt Person weitergeben sollte. Er führte Funkversuche aus. Es hat sich nicht feststellen lassen, ob ihm eine Verbindung gelang. Er will auch diesen Apparat im Jahre 1939 vernichtet haben, nachdem die Verbindung mit dem Unbekannten schon längere Zeit vorher abgerissen war.

Der Angeklagte war sich darüber klar, daß die von ihm versuchten Funkverbindungen die Verbindung der KPD. mit Sowjetrußland fördern und aufrechterhalten sollten. Als Kommunist war er bereit, diese Bestrebungen jederzeit zu fördern. Für seine Tätigkeit erhielt er in den Jahren 1930 bis 1937 etwa 100 bis 150 RM.

Kurz nach Ausbruch des Krieges, noch im Jahre 1939, brachte ein Russe, welcher der Sowjetbotschaft in Berlin angehörte und im Besitze eines Diplomatenpasses war, ihm eine Rufanweisung und einen Büchercode (Buch "Colomba") sowie gleichzeitig 1000 RM. Um dieselbe Zeit wurde ihm auch ein 4. Funkgerät in einem Koffer übergeben, das er in seiner Wohnung unter den Dielen verbarg. Er konnte das Gerät nicht benutzen,

weil

weil der dazu erforderliche elektrische Strom ihm nicht zur Verfügung stand. Als er Ende 1941 Husemann, der ihm als alter Kommunist bekannt war, wiedertraf, teilte er ihm dies mit. Husemann vermittelte darauf die Bekanntschaft Schulzes mit dem Angeklagten Coppi. Dies führte dazu, daß Schulze den Coppi im Abhören und Senden von Funkmeldungen unterrichtete. Beide führten auch in der Wohnung der Angeklagten Brockdorff mit dem Gerät Schulzes Sendeversuche durch. Schulze nahm schließlich Coppis Apparat an sich und versteckte ihn in seiner Wohnung unter den Dielen.

Auch diese Funkversuche dienten, wie der Angeklagte erkannte, der Versorgung Moskaus mit kriegswichtigen Nachrichten.

Darüber hinaus sammelte der Angeklagte Schulze nach Ausbruch des Krieges mit der Sowjetunion Nachrichten und leitete sie an Personen weiter, von denen er wußte, daß sie als Kommunisten mit dem Feind - zum mindesten mittelbar - in Verbindung standen.

So brachte ihm Husemann im Jahre 1941 zwei Meldungen mit der Anweisung, sie selbst weiterzufunkeln oder an eine Person weiterzugeben, welche in Funkverbindung mit Rußland stand. Da er selbst die Nachrichten nicht übermitteln konnte, teilte er sie Coppi zur Weitergabe mit. Die Nachrichten betrafen die Lage der Firma Bergmann in Bernau, die Leuchtspurnmunition herstellte, und eine Firma in Sachsen, die Gewehraufsätze zur Panzerabwehr herstellte.

Im Juni 1942 brachte ein Agent aus Holland oder Belgien, den Schulze als Russen erkannte, ihm einen Leinwandstreifen mit chiffrierten Nachrichten und 500 RM. Schulze versuchte, die Nachricht zu entziffern, was ihm aber bis auf die Anfangsworte nicht gelang, sodaß er keinen Sinn in der Meldung finden konnte. Er gab den Leinwandstreifen an Coppi weiter. Mit dem unbekanntem Agenten besprach Schulze wichtige Nachrichten; u. a. teilte er ihm mit, daß ein Geschütz von besonderer Größe, mit besonderer Schußweite und stärkster Wirkung vor Sewastopol eingesetzt wäre. Das erhaltene Geld verbarg er in seiner Wohnung.

Der Angeklagte ist in vollem Umfang geständig. Er bekennt sich offen als Kommunist, der bereit war, jede von ihm geforderte Arbeit für die kommunistische Bewegung zu leisten.

Rechtlich sind seine Handlungen als Vorbereitung zum Hochverrat (§ 83 Abs. 2 und 3 RStGB.) und, soweit sie sich auf die Zeit nach Ausbruch des deutsch-russischen Krieges erstreckten, als Feindbegünstigung (§ 91b RStGB.) sowie als Spionage (§ 2 KSSVO.) zu bewerten. Die 3 Verbrechen stellen sich als eine einheitliche fortgesetzte Tat dar. Gemäß § 73 RStGB. ist die Strafe dem § 2 KSSVO. zu entnehmen. Danach hat der Angeklagte die Todesstrafe verwirkt. Die Aberkennung der bürgerlichen Ehrenrechte beruht auf § 32 RStGB.

11.) Erika von Brockdorff.

Die Angeklagte Erika von Brockdorff wurde am 29. April 1911 in Kolberg als ältestes Kind des damaligen Telegrafenaufbauers und gegenwärtigen Postschaffners Franz Schönfeld geboren. Sie besuchte die Volksschule in Juchow und anschließend 2 1/2 Jahre lang eine Haushaltungsschule in Magdeburg. Kurze Zeit war sie dann als Haustochter tätig, worauf sie in das Elternhaus zurückkehrte. Später nahm sie wieder eine Stellung als Haustochter in Berlin an, wurde etwa 1934 Vorführdame und lernte nebenher als Stenotypistin. Etwa 4 Monate lang war sie auch als solche beschäftigt. 1935 heiratete sie den Bildhauer Cai Graf von Brockdorff, der während des gegenwärtigen Krieges als Sanitätsunteroffizier zum Feldheer an die Ostfront eingezogen war und sich zur Zeit wegen Verdachts der Beihilfe zu einem hochverräterischen Unternehmen in Schutzhaft befindet. Aus ihrer Ehe stammt eine fünfjährige Tochter. Die Angeklagte bewohnt in Berlin-Friedenau eine Atelierwohnung. Zuletzt erhielt sie 221 RM Unterstützung. Zeitweise arbeitete sie zur Aushilfe bei der Reichsstelle für Arbeitsschutz, wo sie mit der Mitangeklagten Schumacher zusammentraf, mit der sie befreundet ist. Die Angeklagte will keiner politischen Organisation angehört haben. Sie ist unbestraft. Etwa vom Sommer 1939 ab fand sich in der Wohnung der Eheleute

Brockdorff

Brockdorff ein Kreis junger Leute, zumeist Freunde des Mannes, zusammen, die mit ausgesprochen kommunistischer Tendenz politische Aussprachen miteinander hielten. Zu diesem Kreis gehörten, wie schon im Fall Coppi ausgeführt wurde, außer dem Ehemann der Angeklagten ein gewisser Kurt Böhme, Viktor und Jutta Dubinski, Wolfgang Thieß, Willi Schürmann und der Angeklagte Coppi. Im Verlauf dieser Abende wurde auch einmal die Frage der Gründung einer kommunistischen Organisation erörtert. Es wurde vereinbart, daß jeder unter seinen Bekannten, ehemaligen Genossen und Betriebskameraden hierfür werben sollte. Kurt Böhme brachte auch kommunistische Hetzschriften mit, die vorgelesen, besprochen und ausgetauscht wurden. Die Angeklagte nahm an den Abenden teil, soweit feststellbar allerdings nur in passivem Sinne. Sie las auch einmal eine Hetzschrift, die ihr Böhme gegeben hatte. Etwa im Frühjahr 1941 schlofen diese Zusammenkünfte ein.

Mit dem Angeklagten Coppi freundete sich die Angeklagte von Brockdorff näher an; 1941 kam es zwischen beiden zu einem intimen Verhältnis. Coppi hatte einen Schlüssel zu ihrer Wohnung und dort ständigen Zugang. Ende 1941 brachte Coppi in einer Aktentasche einen Kurzwellensender und stellte ihn in der Wohnung der Angeklagten unter. Kurze Zeit später brachte er Böhme mit und beide reparierten in Gegenwart der Angeklagten in deren Wohnung den Sender, wobei sie das Gerät auseinandernahmen und zahlreiches Handwerkszeug, wie Lötkolben, Lötzinn ausbreiteten. Die Reparaturen wurden dann unter Zuziehung des Mitangeklagten Schulze, den Coppi ebenfalls eingeführt hatte, fortgesetzt. Die Angeklagte selbst duldet diese Arbeiten, angeblich in der Vorstellung, daß es sich um die Wiederherstellung eines Radiogerätes handelte. Die Vornahme der Reparaturen in ihrer Wohnung will die Angeklagte damit erklärt haben, daß gleichzeitig ihr eigenes Funkgerät repariert wurde.

Anfang September 1942 führte Coppi den Fallschirmspringer Helmut Höbner bei der Angeklagten ein, ohne ihn ihr vorzustellen. Höbner schlief auch zweimal in der Wohnung der Angeklagten. Bei diesen Übernachtungen ließ er sich früh 4.30 Uhr von der Angeklagten wecken, um Funkversuche zu unternehmen. Der Angeklagten hatte er mitgeteilt, daß er mit einem Radiobastler in Skandinavien in Verbindung treten wollte. Tatsächlich versuchte Höbner mittels des von ihm mitgebrachten Funkgerätes mit Moskau in Funkverbindung zu kommen. Am 9. September 1942 schaffte die Angeklagte das Sendegerät in einer Aktentasche aus ihrer Wohnung und übergab es an der Ecke Leibniz - und Berliner Straße der Ehefrau Hilde Coppi.

Die Angeklagte gibt den objektiven Sachverhalt im wesentlichen zu. Sie will jedoch nicht erkannt haben, daß die Versammlungen und Aussprachen in ihrer Wohnung kommunistische Bestrebungen verfolgten. Sie gibt zwar zu, eine Schrift, die Böhme ihr gab, gelesen zu haben, will aber ihren Sinn nicht erfaßt haben. Sie will auch nicht erkannt haben, daß in ihrer Wohnung von Coppi, Schulze und Höbner Funkversuche zum Zwecke der Verbindung mit Moskau vorgenommen wurden. Im Falle Höbner habe sie geglaubt, daß es sich um eine Radiobastlerverbindung mit Skandinavien gehandelt habe. Im übrigen habe sie die verschiedenen Geräte, die in ihrer Wohnung gebracht wurden, für Rundfunkapparate gehalten. Sie habe auch nicht nach dem Zweck der Besuche, nicht einmal nach den Namen Schulzes und Höbners gefragt, weil sie ihren Geliebten, dem Angeklagten Coppi, volles Vertrauen geschenkt habe.

Der Senat hat der Angeklagten nicht in vollem Umfange glauben können. Die gesamten Umstände waren in allen Fällen so auffällig, daß die Angeklagte zum mindesten beim zweiten Senderversuch des Höbner geahnt haben muß, was geschah. Auch hat die Angeklagte, obgleich sie geistig wenig regsam ist, doch den Sinn der Gespräche an den Debattierabenden erfassen können und auch erfaßt. Ebenso hat sie nach der Überzeugung des Senats die kommunistische Tendenz der ihr von Böhme gegebenen Schrift erkannt. In Kenntnis der kommunistischen Ziele hat sie demnach die Aussprachen in ihrem Hause geduldet.

Die

Die Angeklagte hat ferner gewußt, daß Coppi Kommunist war. Wenn er mit einem völlig fremden Mann in ihrer Wohnung mehrfach Versuche mit einem auch von ihr nicht zu verkennenden Sendegerät unternahm und dabei vom Ausland gesprochen wurde, so mußte sie sich darüber Gedanken machen und hat dies nach Überzeugung des Senats auch getan. Es kann sein, daß die Beteiligten ihr nicht ausdrücklich gesagt haben, was sie im einzelnen vorhatten. Wenngleich sie bei ihrer geistigen Beschränktheit und persönlichen Interessellosigkeit letztmögliche konkrete Schlüsse nicht gezogen haben mag, so konnte es ihr am Ende der Vorgänge doch nicht zweifelhaft sein, daß eine illegale Verbindung mit ausländischen kommunistischen, dem Reich feindlichen Kreisen angestrebt wurde. Gleichwohl hat sie dieses Treiben in ihrer Wohnung geduldet, ohne einzuschreiten.

Bei der rechtlichen Würdigung des Verhaltens der Angeklagten hat der Senat erwogen, daß sie keine politische Aktivistin ist. Sie hat offensichtlich dem Angeklagten Coppi zuliebe gehandelt, demgegenüber sie unbedenken alles zu tun bereit war. Der Senat hat nicht feststellen können, daß sie die Tat der anderen als ihre eigene gewollt hat. Sie hat sich im wesentlichen passiv verhalten und sich durch bewußte Duldung staatsfeindlicher Bestrebungen der Beihilfe schuldig gemacht.

Rechtlich gesehen kommt Beihilfe zur Vorbereitung eines hochverräterischen Unternehmens (§§ 83 Abs. 2, 3, 49 RStGB.) und Beihilfe zur Spionage (§ 2 KSSVO., 49 RStGB.) in Betracht. Feindbegünstigung in Verbindung mit Vorbereitung zum Hochverrat liegt in ihrem Falle deshalb nicht vor, weil nicht hat festgestellt werden können, daß die Angeklagte - von ihrer Teilnahme an dem Spezialdelikt der Spionage abgesehen - noch nach Beginn des deutsch-russischen Krieges gehandelt hat. Beide Handlungen der Angeklagten sind durch ihre kommunistische Gesinnung zu einer natürlichen Handlungseinheit verbunden.

Bei der Strafzumessung wurde berücksichtigt, daß die Angeklagte geistig beschränkt ist und nicht in der Lage war, das Vorhaben der Angeklagten in seinen schädlichen Auswirkungen voll zu übersehen. Andererseits mußte die Gefährlichkeit ihrer Beihilfehandlung berücksichtigt werden. Wenn deshalb die große Verschiedenheit ihrer Schuld gegenüber der der Hauptangeklagten davon absehen ließ, die an sich zulässige Todesstrafe gegen sie auszusprechen, so mußte doch ihr Treiben mit einer erheblichen Strafe bedacht werden, die auf 10 Jahre Zuchthaus und 10 Jahre Ehrverlust bemessen worden ist.

12.) Johannes Graudenz.

Der Angeklagte Johannes Graudenz wurde am 12. November 1884 als Sohn eines Sattlermeisters in Danzig geboren. Nach dem Besuch der Volksschule lernte er 2 1/2 Jahre lang den Beruf eines Kellners, arbeitete als solcher in deutschen Städten und ging in diesem Beruf mit 19 Jahren nach England, nach Frankreich und nach der Schweiz, wo er die englische und französische Sprache erlernte. Im Jahre 1908 nach Deutschland zurückgekehrt, betätigte er sich als Fremdenführer und Hotelkommissionär. 1916 wurde er Assistent des damaligen Korrespondenten der "United Press of America". Während des Weltkrieges und in der Nachkriegszeit bis 1922 war er selbständiger Leiter dieser Agentur. Dann ging er als ihr Korrespondent nach Rußland. 1924 mußte er nach Deutschland zurückkehren, weil ihm die Aufenthaltserlaubnis von den Sowjets entzogen wurde. Er übernahm die Leitung der von ihm schon 1921 gegründeten "Pressefotoagentur Graudenz". Nach dem Verkauf dieser Agentur im Jahre 1928 betätigte er sich bis 1932 als Redakteur und Korrespondent verschiedener Zeitungsunternehmen. Seit 1922 ist er Handelsvertreter. Graudenz ist in dritter Ehe verheiratet, Vater von 2 Töchtern im Alter von 15 und 16 Jahren und wohnt in Berlin-Stahnsdorf ein ihm gehöriges Einfamilienhaus. Sein jährliches Einkommen beträgt nach seiner Angabe etwa 30000 RM. Er ist gerichtlich unbestraft.

Der Angeklagte Graudenz ist ein abergläubischer, dem Okkultismus und der Hellscherei ergebener Mensch. Durch seine Nachbarin, die ge-

werbsmäßige

werbsmäßige Hellseherin Krauß, lernte er im Spätsommer 1941 die Angeklagte Schulze-Boysen und über diese deren Ehemann kennen, mit dem er sich später mehrfach traf. Er erkannte bald die kommunistische Gesinnung Schulze-Boysens und war bereit, ihm bei seiner illegalen Arbeit für den Kommunismus zu helfen, obgleich er selbst nicht kommunistisch gesinnt sein will. Graudenz las fast alle von Schulze-Boysen verfaßten Hetzschriften. Er kaufte zwei Vervielfältigungsapparate, stellte mit ihnen Abzüge der Hetzschriften her und verbreitete diese Schriften. Er gab sie u.a. an Frau Krauß, die Eheleute Schumacher und an zahlreiche andere Personen weiter. Aus dem Fernsprechteilnehmerverzeichnis suchte er ihm geeignet erscheinende Personen, in erster Linie Intellektuelle heraus, denen er die Hetzschriften zusandte. Auch beteiligte er sich an der Klebezettelaktion im Frühjahr 1942, die seinen Gedanken entsprungen ist. Im Rahmen seiner illegalen Tätigkeit hörte er fortlaufend feindliche Sender ab, insbesondere englische Sender.

Nach alledem hat sich der Angeklagte der Vorbereitung zum Hochverrat (§ 83 Abs. 3 Ziff. 1, 2 und 3 RStGB.) und - da seine Tätigkeit überwiegend in die Zeit nach dem Ausbruch des deutsch-russischen Krieges fällt - zugleich der Feindbegünstigung (§ 91b RStGB.) schuldig gemacht. Desgleichen ist er der Zersetzung der Wehrkraft (§ 5 KSSVO.) schuldig, weil er wehrzersetzende Hetzschriften, so den "Brief an einen Polizeihauptmann" dem Wehrmachtangehörigen Angeklagten Schumacher weitergegeben und durch umfangreiche zersetzende Einflußnahme auf die Öffentlichkeit den Wehrwillen des deutschen Volkes zu untergraben versucht hat. Die drei Verbrechen stellen sich als eine einheitliche fortgesetzte Handlung dar. Der Angeklagte hat sich aber auch der Spionage schuldig gemacht:

Schulze-Boysen, der in Graudenz einen besonders betriebsamen Mann erkannte, forderte den Angeklagten auf, Nachrichten von Bedeutung zu sammeln und diese ihm mitzuteilen. Graudenz war hierzu bereit. Beiden Angeklagten kam es zunächst darauf an, sich durch gegenseitigen Nachrichtenaustausch über die jeweilige Lage auf dem Laufenden zu halten. Sodann aber plante Schulze-Boysen, ihm geeignet erscheinende Mitteilungen auf dem Funkwege nach Moskau weiterzugeben. Diese Absicht war Graudenz bekannt und wurde von ihm gebilligt. Er wußte, daß der Mitangeklagte Coppi den Geheimsender der Gruppe Schulze-Boysen bediente. In dieser Kenntnis stellte er Coppi seine Wohnung zu Senderversuchen zur Verfügung. Um den defekt gewordenen Sender wiederherzustellen, bemühte er sich - wenngleich erfolglos - über einen seiner Bekannten, den Heidelberger Industriellen Melland, bestimmte Senderröhren aus der Schweiz zu beschaffen. In Ausführung des ihm gewordenen Auftrags trug Graudenz nach Beginn des deutsch-russischen Krieges zahlreiche Nachrichten wirtschaftlichen, politischen und militärischen Gehalts zusammen und gab sie an Schulze-Boysen weiter. Diese Nachrichten betrafen Luftschutzmaßnahmen in Berlin, die Lage eines Rüstungswerkes zur Herstellung von Isolatoren in Selb in Bayern, die Lage von Fabriken zur Herstellung von synthetischem Gummi in Hannover und Harburg und - als wichtigstes - Produktionszahlen der deutschen Luftrüstung. Die Mehrzahl dieser Nachrichten hatte er sich von dem im Reichsluftfahrtministerium beschäftigten Architekten Henniger verschafft. Die Produktionszahlen der deutschen Luftrüstung schrieb er gütgetarnter Form nieder. Er rechnete mit ihrer Weitergabe nach Moskau.

Darüber hinaus ist Graudenz aber auch sofort bereit gewesen, die ihm von Schulze-Boysen mitgeteilte Tatsache, daß es den deutschen Dienststellen gelungen sei, die englischen Funkprüche über Geleitzüge nach Rußland abzufangen und zu entziffern, über seinen Bekannten Melland nach England gelangen zu lassen. Er fuhr zu diesem Zweck nach Heidelberg. Seine Behauptung, daß er schließlich auf Grund eines Erlebnisses in der Bahn, welches ihm zufolge seiner abergläubischen Einstellung als Warnung erschien, davon Abstand genommen habe, Melland zu unterrichten, erscheint wenig glaubhaft, ist aber nicht zu widerlegen. Aber selbst dann hat er in jedem Fall den Versuch der Benachrichtigung des Feindes durch

- 23 -

durch den Antritt der Reise unternommen und damit bereits das Verbrechen des Spionageunternehmens vollendet. Einen Rücktritt von diesem Verbrechen kennt das Gesetz nicht.

Der Angeklagte war demnach sowohl aus den oben angeführten gesetzlichen Bestimmungen wie auch aus § 2 KSSVO. zum Tode zu verurteilen. Die bürgerlichen Ehrenrechte wurden ihm auf Dauer aberkannt.

13.) Der außergewöhnlichen Schwere der von den Angeklagten Harro Schulze-Boysen, Arwid Harnack, Kurt Schumacher und Graudenz begangenen Tat hat der Senat dadurch Rechnung getragen, daß er auf Einziehung des Vermögens dieser Angeklagten erkannt hat (§ 92 RStGB.). Im übrigen wurden die zur Durchführung der Verbrechen erhaltenen Gelder den gesetzlichen Bestimmungen entsprechend eingezogen (§ 93a RStGB.).

gez. Dr. Kraell Mußhoff Arps Stutzer Schmitt.

D e r F ü h r e r

Führerhauptquartier, den 21.12.1942.

I.

Ich bestätige das Urteil des Reichskriegsgerichts vom 14. Dezember 1942 gegen

den ehemaligen Legationsrat Rudolf von S c h e l i h a und die Schriftleiterin Ilse S t ö b e sowie das Urteil des Reichskriegsgerichts vom 19. Dezember 1942 gegen den Oberleutnant Harro S c h u l z e - B o y s e n und andere, soweit es nicht die Ehefrau Mildred H a r n a c k und Erika Gräfin von B r o c k d o r f f betrifft.

II.

Einen Gnadenerweis lehne ich ab.

III.

Die Urteile sind zu vollstrecken, und zwar gegen Rudolf von S c h e l i h a , Harro S c h u l z e - B o y s e n , Arwid H a r n a c k , Kurt S c h u m a c h e r und Johannes G r a u d e n z durch Erhängen. Die übrigen Todesurteile sind durch Enthaupten zu vollziehen.

Die Anordnung der Vollstreckung gegen Herbert G o l l n o w behalte ich mir vor.

IV.

Ich habe das Urteil des Reichskriegsgerichts vom 19. Dezember 1942 gegen die Ehefrau Mildred H a r n a c k und Erika Gräfin von B r o c k d o r f f auf. Mit der Hauptverhandlung ist ein anderer Senat des Reichskriegsgerichts zu beauftragen.

gez. Adolf Hitler.

Der Chef des Oberkommandos der Wehrmacht

gez. Keitel.

Geschäftsstelle
2. Senat

Berlin, den 5. 1. 43.

Entscheidung des Senats:

zur Entscheidung vorgelegt.
entschieden durch den Senat.
entschieden durch den Senat.

Kraell

21 декабря 1942 года. Приговор Имперского военного трибунала (перевод)

РАССЕКРЕЧЕНО

Служба внешней разведки РФ 10

Перевод с немецкого

Имперский военный трибунал
2-я палата

СЕКРЕТНО

St Pl /HLSД I29/42

St Pl/RKA/ III 495/42

III 496/42

III 497/42

И М Е Н Е М

ГЕРМАНСКОГО НАРОДА!

Приговор военно-полевого суда

Рассмотрев на своих заседаниях с 15 по 19 декабря 1942 года уголовное дело по обвинению в государственной измене и других преступлениях против

- 1/ старшего лейтенанта Харро Шульце-Бойзена,
- 2/ домашней хозяйки Либертас Шульце-Бойзен,
- 3/ старшего правительственного советника д-ра Арвида Харнака,
- 4/ домашней хозяйки Милдред Харнак,
- 5/ старшего лейтенанта Герберта Голльнова,
- 6/ радиста Хорста Хайльмана,
- 7/ рядового Курта Шумахера,
- 8/ домашней хозяйки Элизабет Шумахер,
- 9/ токаря Ганса Коппи,
- 10/ шофера Курта Шульце,
- 11/ графини Эрики фон Брокдорф,
- 12/ торгового агента Иоганнеса Грауденца,

2-я палата Имперского военного трибунала в составе:

- судей -
- президента палаты д-ра Крелля (председательствующий),
 - генерала Мусхофа,
 - вице-адмирала Арпса,
 - генерал-майора Штутцера,
 - советника Имперского военного трибунала д-ра Шмитта;

2.

представителя обвинения -
старшего советника военного трибунала д-ра Редера;
секретаря -
армейского инспектора юстиции Гюльднера

п о с т а в о в л я е т :

Приговорить

1/ Обвиняемых старшего лейтенанта Харро Шульце-Бойзена и рядового Курта Шумахера - за государственную измену, предательство, подрыв обороноспособности государства и шпионаж - к смертной казни, лишению воинских званий и пожизненному лишению гражданских прав.

2/ Д-ра Арвида Харнака, Либертас Шульце-Бойзен, Элизабет Шумахер, Ганса Коппи и Курта Шульце - за государственную измену, пособничество врагам Германии и шпионаж - к смертной казни и пожизненному лишению гражданских права; кроме того, Ганса Коппи - к лишению воинских званий.

3/ Иоганнеса Грауденца - за государственную измену, пособничество врагам Германии, подрыв обороноспособности государства и шпионаж - к смертной казни и пожизненному лишению гражданских прав.

4/ Радиста Хорста Хайльмана - за предательство и шпионаж - к смертной казни, лишению воинских званий и пожизненному лишению гражданских прав.

5/ Старшего лейтенанта Герберта Голльнова - за неповиновение в строю и разглашение государственной тайны - к смертной казни и лишению воинских званий.

6/ Графиню Эрику фон Брокдорф - за пособничество измене и шпионажу - к 10 (десяти) годам строго тюремного заключения и лишению гражданских прав на 10 (десять) лет.

7/ Милдред Харнак - за пособничество измене и шпионажу - к 6 (шести) годам строго тюремного заключения и лишению гражданских прав на 6 (шесть) лет.

41

3.

Имущество обвиняемых Харро Шульце-Бойзена, д-ра Арвида Харнака, Курта Шумахера и Иоганнеса Грауденца конфискуется.

Кроме того, конфискуется у обвиняемого Ганса Коппи 2500 имп.марок, у обвиняемого Курта Шульце - 2100 имп.марок.

Во имя справедливости!

О б о с н о в а н и е

Установлены следующие факты преступной деятельности обвиняемых в целом:

Некоторые из обвиняемых являлись членами бывшей КПГ, однако большинство из них склонялись к различным субъективно окрашенным социалистическим идеям, что в 1933 году поставило их в оппозицию к национал-социалистскому государству. Вначале они обсуждали свои идеи в небольших кружках с привлечением марксистской и ленинистской литературы, готовили доклады и писали статьи, служившие целям воспитания кадров в своем узком кругу, а затем перешли к изданию и распространению явно подрывных материалов коммунистического характера. Когда в 1939 году был заключен пакт между Германией и Россией, они на время смирились с создавшимся положением. Однако с началом русской кампании их активность возобновилась и даже усилилась. Было подготовлено и распространено большое количество подрывной литературы в виде брошюр, рассчитанных на массовое влияние, причем особо стремились охватить круги интеллигенции, полиции и армии. Параллельно с этой деятельностью теперь была установлена непосредственная связь с Москвой. Вначале эта связь была весьма несовершенна, пока русские разведорганы со своей стороны не приступили к заброске парашютистов и обеспечению данной группы обвиняемых радиопередатчиками. Незадолго до того как радиосвязь была готова к развертыванию в широком масштабе, государственной тайной полицией (гестапо - прим.перев) удалось арестовать всех участников этой группы.

В отношении отдельных обвиняемых суд установил следующие факты и степень виновности.

I/ Харро Шульце-Бойзен.

Старший лейтенант Харро Шульце-Бойзен родился 2,9,1909 г. в Киле. Родители: отец - капитан II ранга Эдгар Шульце; мать - Мария-Луиза, урожденная Бойзен. Является внучатым племянником и крестником гросс-адмирала фон Тирпица. В 1928 году сдал экзамены на аттестат зрелости в реальной гимназии г. Дуйсбурга, а затем изучал юриспруденцию и государственное устройство в университетах Фрейбурга и Берлина. С 1922 года был членом "Младогерманского Ордена". Университет не закончил. Занимался писательским трудом, с 1932 по 1934 г.г. был редактором ежемесячного журнала "Дер Гегнер" ("Противник" - прим. перев.).

После преобразований 1933 года был на непродолжительное время в целях изоляции помещен в концентрационный лагерь. С мая 1933 года по март 1934 года занимался на курсах подготовки авианаблюдателей. В апреле 1934 года поступил на работу в качестве вольнонаемного служащего в управление бывшего бюро печати и информации по вопросам иностранных военно-воздушных сил (отдел военно-морской авиации). Был переведен в министерство авиации и работал в течение ряда лет в качестве вольнонаемного служащего в отделе авиаразведки, а затем в 5-ом отделе генерального штаба и в отделе "Ic4" главного штаба ВВС. Предполагалось присвоить ему ранг правительственного советника. После прохождения сборов был произведен в лейтенанты, а затем в старшие лейтенанты запаса. Наряду со своей основной работой в имперском министерстве авиации руководил внешнеполитическим семинаром на факультете по изучению зарубежных стран Берлинского университета.

Обвиняемый не имеет судимостей. По службе характеризуется как чрезвычайно способный работник. Отмечаются его большие заслуги на работе в 5-ом отделе генерального штаба за последние четыре года, особенно благодаря знанию иностранных языков.

С самого начала Шульце-Бойзен был далек от того, чтобы честно служить национал-социалистскому государству. Поступив на государственную службу, он продолжал придерживаться социалистически-коммунистического образа мыслей, свойственного ему еще до 1933 года. Вместе со своими единомышленниками - супругами Шумахер, некоей Гизелой фон Пёлльниц и бывшим коммунистом Нюхенмайстером - он организовал своего рода кружок. Регулярно собираясь на протяжении 1934-38 г.г., они обсуждали цели и задачи коммунизма и изучали соответствующую литературу. В журнале "Дер Вилле цум Рейх" ("Стремление к империи" - прим.перев.) обвиняемым был опубликован ряд статей коммунистического направления. С 1937 года деятельность этого кружка активизировалась, в нем появились новые члены - Ода Шоттмюллер, писатель Кукхоф, д-р Пауль. В начале 1938 года, во время войны в Испании, обвиняемый получил служебную информацию о том, что при участии германской тайной службы в районе Барселоны готовится восстание против местного правительства красных. Эту информацию он совместно с фон Пёлльниц передал советско-русскому посольству в Париже. В связи с присоединением Судетской области к Германской империи обвиняемый написал листовку "Ударный кулак", в которой подверг нападкам проведенные имперским правительством мероприятия и в полном объеме использовал аргументы и идеи вражеской пропаганды, направленной против этого политического свершения. Листовка была размножена и при его участии распространена в количестве 40-50 экземпляров. Весной 1941 года он подготовил материал "Наполеон Бонапарт", подрывной характер которого вытекал из хитроумного сопоставления высказываний и поступков Наполеона и Фюрера. Познакомившись в конце 1940 года с обвиняемым Харнаком, работавшим в качестве старшего правительственного советника в имперском министерстве экономики, и найдя в нем своего единомышленника, он договорился с ним об обмене политической и экономической информацией, причем со своей стороны передавал ему сведения главным образом военного характера. Информация, полученная на такой взаимной основе и касавшаяся в основ-

6.

ном материалов служебного характера, использовалась затем как для обсуждения между членами кружка, так и для составления листовок. В 1941 году обвиняемый участвовал в распространении ряда других подрывных материалов, видимо, подготовленных в кругах подпольной КПГ. После начала войны с Россией его деятельность по подготовке и распространению пропагандистских листовок активизировалась. Наиболее злобной и грязной стрипней обвиняемого является написанная им и распространенная под псевдонимом "Агис" листовка "Народ озабочен будущим Германии". Эта листовка в самых резких и недостойных тонах агитирует против германского правительства, война в ней объявляется проигранной, будущее - преисполненным отчаяния, в ней содержатся призывы к невыполнению правительственных распоряжений и к открытому восстанию. Обвиняемый помогал распространять и другие материалы подобного содержания - "Внутренний фронт", "Организуем массовую революционную борьбу", "Письмо капитану полиции". Весной 1942 года в связи с выставкой "Советский рай" он организовал пропагандистскую кампанию в Берлине по расклеиванию на стенах сотен листовок с надписью: "Постоянная выставка нацистскогорая: война, голод, ложь, гестапо - долго ли это будет продолжаться?" Автором текста был обвиняемый. Он лично прикрывал группу лиц, расклеивавших листовки, следуя за ними в форме старшего лейтенанта ВВС и имея при себе служебный пистолет.

С 1941 года обвиняемый начал заниматься и шпионской деятельностью. Через Харнака он весной 1941 года установил контакт с сотрудником русского посольства в Берлине, выступавшим под именем "Эрдберг". Незадолго до начала войны с Россией он предложил в случае военного конфликта установить радиосвязь с Москвой. После этого он получил от Эрдберга радиопередатчик, шифры и 8000 имп. марок. Часть этой суммы он израсходовал для собственных нужд, а остаток в 5500 имп. марок отложил для использования в нелегальных целях. Информацию для передачи по радио он собирал как сам, так и через своих подручных и передавал ее Харнаку, который занимался ее зашифровкой. Среди этой информации были сведения о числен-

7.

ности германской авиации к началу войны с Россией. С целью обеспечения радиосвязи он встречался осенью 1941 года с русским агентом по имени "Кент", присланным к нему для налаживания радиосвязи, которую не удавалось установить из-за технических трудностей. Во время этой встречи он передал Кенту ряд сведений в расчете на то, что тот переправит их в Москву. Среди них были сообщения об ожидаемом наступлении на Кавказском фронте в направлении Майкопа, о раскрытии английских шпионских организаций на Балканах, о захвате русского радиошифра при вступлении германской армии в Петсамо, о германских потерях на Крите, об использовании парашютистов под Ленинградом, о предстоящем применении отравляющих веществ, а также о численном составе германских ВВС и производстве боевых самолетов в Германии. С согласия обвиняемого и под его именем Кент передал эти сведения по радио из Брюсселя в Москву так называемым "пространственным кодом". Впоследствии Шульце - Бойзен неоднократно пересылал Харнаку записанные на листочках данные, которые тот зашифровывал и отдавал обслуживавшему передатчик обвиняемому Коппи для передачи в Москву. На службе ему стало известно о том, что германская контрразведка расшифровывает английские радиограммы, извещавшие об отправлении предназначенных для России морских конвоев. Об этом он сообщил обвиняемому Грауденцу, который через своих друзей в Гейдельберге поддерживал связь с проанглийскими кругами в Швейцарии, подчеркнув, что об этом необходимо информировать англичан. В августе 1942 года обвиняемый установил контакт с прибывшим из России парашютистом Хесслером, направленным на связь с его группой, и неоднократно встречался с ним, обсуждая положение на фронте и вопросы радиосвязи. Когда обвиняемый, имя и адрес которого были раскрыты контрразведкой, расшифровавшей радиограмму из России, был арестован, Хесслер все еще пытался наладить радиосвязь.

В качестве мотива своих действий обвиняемый назвал стремление к взаимопониманию между Германией и Россией. По его словам, оба социалистические государства - Германия и Россия - были втянуты в войну друг с другом кликами плутократов. Он вместе со

своей группой якобы готовился к тому, чтобы в случае кризиса помочь установить связь между национал-социалистским правительством и правительством России. Он отрицает наличие у него шпионских намерений.

Эти утверждения обвиняемого опровергаются его собственными действиями. На протяжении ряда лет, в том числе и после начала войны между Германией и Россией, он не только вел себя как изменник и подрывной элемент, пособничая тем самым врагам нашего государства - коммунистам, но и непосредственно занимался шпионажем в широких масштабах, передавая информацию в Москву и организовав в этих целях радиосвязь. Отягчающим обстоятельством является также то, что он втянул в это дело ряд других обвиняемых, среди которых он и обвиняемый Харнак были зачинщиками.

За совершенные обвиняемым совокупные преступления - государственная измена, подрыв обороноспособности государства и пособничество врагам Германии, которое в данном случае согласно статье 57 Военно-уголовного кодекса квалифицируется как предательство, - в соответствии с законоположениями статьи 83, абзац 1,3, пункты 1,2,3 и статей 73,91-б Имперского уголовного кодекса, статьи 57 Военно-уголовного кодекса, статьи 5, абзац 1, пункты 1 и 2 Постановления об обеспечении безопасности в военное время не может быть назначено иное наказание, кроме смертной казни. Как статьей 57 Военно-уголовного кодекса, так и статьей 5 Постановления об обеспечении безопасности в военное время предусмотрена высшая мера наказания - смертная казнь. За шпионаж, которым занимался обвиняемый, по статье 2 Постановления об обеспечении безопасности в военное время также предусматривается смертная казнь. Попутные меры наказания - лишение воинских званий и лишение гражданских прав - вытекают из существа дела и продиктованы законом.

2/ Либертас Шульце-Бойзен.

Обвиняемая Шульце-Бойзен родилась 20 ноября 1913 года в Париже. Родители: отец - профессор Хаас-Хайе; мать - графиня Тора Ойленбург. В настоящее время брак между родителями расторгнут. После развода мать оставила себе девичью фамилию. По показаниям обвиняемой, ее отец в настоящее время находится в английском лагере для интернированных, т.к. незадолго до начала войны оказал-

ся в Англии с целью предоставления консультации по вопросам искусства. Обвиняемая воспитывалась у матери в Либенберге /провинции Бранденбург/, с 13 лет жила в Швейцарии, которую покинула в возрасте 18 лет, и сдала экзамен на аттестат зрелости в одном из частных лицеев Берлина. Затем обвиняемая на 9 месяцев выезжала для продолжения образования в Англию. С весны 1933 года по январь 1935 года работала ассистентом по вопросам печати на кинофирме "Метро Голдвин Майер" в Берлине. С 15 января по 15 июля 1935 года была на добровольной женской Трудовой службе в Глиндове /район Вердера/. В это время состоялась ее помолвка с обвиняемым Харро Шульце-Бойзенем. Осенью 1935 года она вместе с обвиняемым ездила в Женеву для посещения курса лекций по вопросам деятельности Лиги Наций.

Начало зимы 1936 года она провела в гостях у знакомых в Англии. 26 июля 1936 года вступила в брак с Шульце-Бойзенем.

Последующая трудовая деятельность обвиняемой: корреспондент газеты "Эссенер Национальцейтунг", с 1940 года - заведущая отделом киноискусства упомянутой газеты, с 1 ноября 1941 года - переход на работу в "Германский культурный центр", где в последнее время реферировала вопросы германского народного искусства, а также народного искусства других стран.

Она числилась в штатах нерангированных сотрудников Имперского министерства пропаганды с месячным окладом 800 имп.марок.

Обвиняемая не имеет судимостей. В июле 1939 года она была на непродолжительное время арестована в Восточной Пруссии по подозрению в шпионаже, однако тогда это подозрение было сочтено необоснованным, и она была выпущена из-под стражи по распоряжению отделения полиции.

Не подлежит сомнению, что в преступную деятельность обвиняемую втянул ее муж. Вначале она придерживалась национал-социалистских убеждений и собиралась связать свою карьеру с Трудовой служ-

10.

бой. Но затем она подчинилась влиянию мужа, усвоила его взгляды и сама активно включилась в его деятельность. Она принимала участие в коммунистических собраниях и дискуссиях, оказывала техническую помощь в выпуске и распространении подрывной листовки "Ударный кулак", помогала составлять или, по меньшей мере, участвовала в обсуждении всех других подрывных материалов, выпущенных ее мужем и его кружком. При обсуждении листовки "Народ озабочен будущим Германии" она посоветовала использовать псевдоним "Агис". Она помогала мужу в обмене информацией с Харнаком, полагая, что тот имеет прямую связь с КПГ, и знала о попытках наладить радиосвязь с Москвой. Она давала мужу советы, в каких квартирах можно было бы установить передатчик. После начала войны с Россией она передала на хранение зубному врачу д-ру Химпелю большую часть денег, полученных ее мужем для незаконных целей. По меньшей мере дважды она относила Харнаку записки со сведениями, предназначенными для передачи противнику, зная, что Харнак занимается зашифровкой этих записей. По меньшей мере одну из этих записок, в которой содержались данные о количестве самолетов, она прочитала. Осенью 1941 года ее посетил русский агент "Кент", которому она, полностью сознавая, что тот прибыл для налаживания радиосвязи с Москвой, устроила встречу с обвиняемым Харнаком и со своим мужем. Обвиняемому Коппи она подробно рассказывала о своей встрече с "Кентом" и о технических деталях радиосвязи. Она присутствовала при передаче ее мужем информационных сведений Кенту. После ареста ее мужа она вместе с обвиняемым Хайльманом обсуждала возможность предупреждения и оказания помощи и передала ему для укрытия либо уничтожения ряд вызывающих подозрение материалов.

Обвиняемая виновна в государственной измене и шпионаже. Поскольку факты измены имели место и после 22 июня 1941 года, это преступление следует квалифицировать как пособничество врагам Германии. Статья 83, абзац 1,3, пункты 1,3, статьи 73,91-б Имперского уголовного кодекса и статья 2 Постановления об обеспечении безопасности в военное время предусматривают за эти преступления смертную казнь. Лишение гражданских прав соответствует статье 32 Имперского уголовного кодекса.

II.

3/ Д-р Арвид Харнак.

Обвиняемый д-р Арвид Харнак родился 24 мая 1901 года в Дармштадте. Родители: отец — Отто Харнак, профессор Дармштадтского технического института /умер/; мать — урожд. Райхау. В 1919 году он сдал экзамены на аттестат зрелости в Иене, а затем поступил в добровольческие отряды "Фрейкор", в рядах которых сражался до конца 1920 года. Затем учился на юридическом факультете и в 1924 году с отличием защитил диссертацию на степень доктора юридических наук. На средства фонда Рокфеллера он в августе 1925 года был командирован на учебу в Англию, где находился до декабря 1926 года, а с января 1926 года до конца 1928 года был с той же целью в США. В Мэдисонском университете обвиняемый познакомился со своей будущей женой Милдред, урожд. Фиш, которая также является обвиняемой по данному делу. После возвращения в Германию обвиняемый изучал в Гиссенском университете историю литературы, философию и политэкономии и защитил там же диссертацию на степень доктора философских наук. В конце 1934 года он сдал второй экзамен по правовым наукам для поступления на государственную службу и с 1.4. 1935 г. был зачислен в Имперское министерство экономики. В 1938 году был назначен правительственным советником этого министерства, а в 1942 году повышен в должность старшего правительственного советника. С июня 1942 года он по совместительству работал преподавателем факультета по изучению зарубежных стран Берлинского университета и доцентом Курсов внешней политики при ведомстве Розенберга. По службе обвиняемый характеризуется как исключительно способный работник, которому все очень легко дается.

В 1935—36 г.г. благодаря своей работе в группе по изучению советско-русской плановой экономики обвиняемый познакомился с гражданами России Бессановым и Хиршфельдом. В 1937 года Хиршфельд вновь встретился с ним и познакомил с одним из сотрудников русского посольства. Затем обвиняемый регулярно встречался с последним для обсуждения политических и экономических проблем. Уже тогда он рассказывал этому русскому о сведениях, которые ему стали известны по службе в качестве референта по валютным вопросам. Впоследствии он вместе с близкими ему по взглядам людьми /Хавеман, Скрчипчинский и Беренс/ создал кружок, занимавшийся вопросами социализма. В связи с этой деятельностью он написал работу о монополистическом капитализме, в которой говорилось о срыве социалистического развития в национал-социалистической Германии и содер

жался призыв к перевороту. В конце концов эти взгляды привели Харнака к контакту с такими людьми, как Зиг и Гуддорф, которые действительно были коммунистами, а через писателя Кукхофа он познакомился с обвиняемым Шульце-Бойзенем. В 1942 году созданный им кружок пришел к выводу, что добиться изменения якобы анти-социалистической направленности Германской империи можно только с помощью силы. В этот период он согласился с тем, чтобы ему были переданы для распространения среди его друзей такие враждебные государству листовки, как "Агис" и "Организуем массовую революционную борьбу". Кроме того, он вручил коммунисту Гуддорфу 150 имп. марок для поездки в Гамбург и организации там подпольной деятельности. Наконец, в соответствии с тщательно продуманным планом он вовлек в сферу своего влияния старшего лейтенанта Голльнова, чтобы таким путем распространять свои идеи в кругах армии и контрразведки. Харнак виновен в государственной измене, а поскольку эти преступные действия он совершал и после 22 июня 1941 года, - и в пособничестве врагам Германии. Он виновен и в шпионаже. Еще перед началом войны с Россией сотрудник русского посольства "Эрдберг" уговаривал его установить связь с Москвой. Незадолго перед войной обвиняемый после начальных колебаний согласился взять на себя зашифровку радиোগрамм. Он зашифровал по меньшей мере пять радиোগрамм, которые затем через использовавшихся в качестве посредников Беренса и сотрудничавшую с ним Шлезингер переслал радисту Коппи для передачи в эфир. В течение некоторого времени у него на квартире находился радиопередатчик. На нужды радиосвязи он получил от русских 8000 имп. марок, которые припрятал для использования в подрывных целях. Он получил от Эрдберга код и еще в середине августа отдал для передачи в Москву сообщение об ожидаемом наступлении в направлении на Баку. Наконец, осенью 1941 года ему стало известно о прибытии сброшенного с парашютом агента для налаживания новой линии радиосвязи, и он сообщил об этом Шульце-Бойзену.

Обвиняемый утверждает, что по своим убеждениям он не является коммунистом. По его словам, объяснения всех его действий следует искать в том, что он, основываясь на научных данных, является сторонником плановой национальной экономики. У него якобы не было шпионских намерений, наоборот, он-де не выдал ни одного из важных секретных сведений, к которым имел доступ в Имперском министерстве экономики. По его словам, он придерживался национального образа мыслей, в доказательство чего приводит, в частности, факт своевременного вывоза по его инициативе германского имущества из

Америки перед войной, которое таким образом было сохранено. Ссылается также на свою предвоенную деятельность по обеспечению снабжения Германии медью. По его мнению, Россия сейчас в первую очередь руководствуется своими государственными интересами и лишь во вторую очередь соображениями коммунистической идеологии. Поэтому его точка зрения о необходимости сотрудничества с Россией якобы не должна рассматриваться как поддержка коммунизма. По его словам, он скептически относился к вопросу о радиопередачах, однако не смог полностью уклониться от участия в этом деле из-за уже установленных им контактов.

Этого обвиняемого также разоблачают его собственные преступления. Свои взгляды, приобретенные умозрительным путем, он пытался осуществить вопреки воле государственного руководства и вопреки народному благу и тем самым превратился в шпиона и врага государства. Так же, как Шульце-Бойзена, и на тех же правовых основаниях его необходимо приговорить к смертной казни. Разумеется, что обвиняемый, как изменник и шпион, должен быть лишен также гражданских прав.

4/ Милдред Харнак

Обвиняемая Милдред Харнак родилась 16.9.1902 г. в Милуоки /США/. Младшая дочь американского коммерсанта Вильяма Фиша. Вероисповедание - евангелическое. После обучения в школах Милуоки и Вашингтона она в 1920-25 г.г. изучала английскую философию в Мэдисонском университете /штат Висконсин/ и с 1924 года работала в этом университете в качестве доцента.

В 1926 году она вышла замуж за обвиняемого Арвида Харнака, сохранив за собой по собственному желанию американское гражданство. Лишь незадолго до начала войны между Германией и Америкой она была лишена этого гражданства.

В 1929 году обвиняемая приехала в Германию вслед за своим мужем, вернувшимся на родину в конце 1928 года. В последующем она изучала философию в университетах Гиссена, Иены и Берлина и в 1939 году защитила диссертацию на степень доктора философии.

Во время учебы в университетах она в 1931-32 г.г. работала преподавателем языка Берлинского университета, в 1932-36 г.г. -

2

14.

преподавателем языка Берлинской вечерней гимназии, в 1936-41 г.г. доцентом Высшей народной школы Большого Берлина, с лета 1941 года - преподавателем языка на факультете по изучению зарубежных стран Берлинского университета.

Обвиняемая перевела на английский язык ряд произведений немецких писателей, в том числе ценные в культурном отношении стихи Гете и новеллы Биндинга, чтобы сделать германскую культуру доступной американскому читателю.

Находясь с 1929 года в Германии, обвиняемая была посвящена своим мужем в мир социалистических идей. Как и он, она считала, что курс политики Германии, в особенности война с Россией, подвергает социализм опасности. В силу этого она не возражала против нелегальной деятельности своего мужа, о которой ей было известно, хотя в принципе муж стремился держать ее в стороне от этих дел. Их общая квартира частично оказалась полем такой деятельности. При обмене информационными данными между ее мужем и Шульце-Бойзеном она иногда занималась переписыванием сообщений, хотя делала это в небольшой объеме. Установить дальнейшие подробности об этой стороне ее деятельности, в частности, когда именно это имело место, не удалось. Обвиняемая знала о попытках установить радиосвязь с Советским Союзом, а также о том, что ее муж занимался зашифровкой, удаляясь для этого в специальную комнату. Когда однажды в августе 1941 года к ней пришла жена Шульце-Бойзена и сказала, что ей надо срочно видеть ее мужа, т.к. приехал человек из Брюсселя, она по меньшей мере не могла не предполагать, что приезд этого иностранца имеет отношение к тайной радиосвязи. По просьбе жены Шульце-Бойзена она тут же вызвала с работы своего мужа, однако не присутствовала при его разговоре с женой Шульце-Бойзена.

Ссылаясь на этот случай, обвиняемая отрицала, будто ей было известно, что речь шла об агенте Москвы, прибывшем по вопросу о радиосвязи. Однако общие обстоятельства дела и тот факт, что

15.

обвиняемая знала о нелегальной деятельности своего мужа, исключают возможность того, что она, учитывая ее ум, не сделала из этого невольно напрашивающихся выводов. Учитывая, что в целом упомянутая деятельность обвиняемой не носила широкого характера, не подлежит сомнению, что она действовала не по собственному побуждению, а лишь из желания помочь мужу. Обвиняемая убедительно доказывала, что в течение того времени, о котором идет речь, она в максимальной степени была загружена своей основной работой, литературной деятельностью, переводами и домашним хозяйством и что ее жизнь была полностью поглощена этими делами. В этих условиях ее наказуемые действия объективно и субъективно не выходили за рамки обычного пособничества. С точки зрения права ее деяние является пособничеством измене и шпионажу. При этом действия обвиняемой не носили самостоятельного характера. Мотивом действий обвиняемой была постоянная готовность оказать помощь своему мужу, что она как жена привыкла делать и во всех других случаях, причем цели, которые он преследовал, ее лично не интересовали. Поэтому обвиняемая была приговорена по статьям 49,83 абзац 1,3, пункты 1,3 статье 73 Имперского уголовного кодекса и статье 2 Постановления об обеспечении безопасности в военное время. Учитывая сравнительно ограниченную деятельность обвиняемой и существенную разницу в степени виновности, суд воздержался от использования возможности назначить для пособников ту же меру наказания, что и для основного преступника. В качестве смягчающего обстоятельства для обвиняемой было учтено, что она, будучи американкой, проявила достойное одобрения понимание значения германской литературы и, переводя выдающиеся произведения немецких авторов на английский язык, действовала в интересах Германии. Было также принято во внимание, что будучи иностранкой и приехав в Германию лишь в 1929 году, она была далека от вопросов политического развития в Германии, а из-за образа мыслей своего мужа и в дальнейшем вряд ли могла правильно их понять. Из-за опасности преступления, совершению которого она

54

16.

содействовала, мера наказания должна быть достаточно строгой. Поэтому она была приговорена к 6 годам строгого тюремного заключения и лишению гражданских прав на 6 лет.

5/ Герберт Голльнов.

Обвиняемый Герберт Голльнов родился 13 июля 1911 года в Берлине. Единственный сын среднего чиновника. Учился в начальной школе, в гимназии им. Дуизы, в реальной школе им. Фихте и в Берлинской реальной школе повышенного типа. Весной 1931 года сдал экзамены на аттестат зрелости. Поступил на службу в управление государственных железных дорог на должность инспектора. В 1938 году ушел с железнодорожной службы и был принят в Министерство иностранных дел на должность секретаря консульской службы. После прохождения ряда военных сборов 1 апреля 1939 года был назначен лейтенантом ВВС в запасе, а в июле 1940 года призван на военную службу и назначен преподавателем военного авиаучилища в г. Тутов, где вел предмет "Типы боевых самолетов". 1 июля 1941 года ему было присвоено звание старшего лейтенанта ВВС в запасе. Он не был удовлетворен своей работой в Тутове, занимался на курсах подготовки парашютистов и неоднократно подавал рапорт о переводе на фронт. 12 октября 1941 года благодаря содействию обвиняемого Шульце-Бойзена был откомандирован в распоряжение главного командования и назначен в управление зарубежной контрразведки, где занимался вопросами, связанными с организацией диверсий на южном участке Восточного фронта /"реферат С.О.Н."/.

Обвиняемый является верующим, придерживается евангелической веры, в которой был воспитан. Судимостей и дисциплинарных взысканий по службе не имеет. В последней аттестации по месту службы отмечается его хорошая воинская выправка, дисциплинированность, безупречные моральные качества, незаурядные умственные способности, успехи, достигнутые им на своем участке работы.

Обвиняемый - способный и старательный человек, но не лишен честолюбия. Секретарская должность в МИДе не полностью удовлет-

воряла его. Поэтому он одновременно готовился к более высокой чиновничьей карьере и к учебе в высшем учебном заведении. Поскольку для того, чтобы сделать карьеру в МИДе, требовалось знание иностранных языков, он стал подыскивать себе преподавателя и нашел его в 1938 году в лице обвиняемой Харнак. Языковые занятия с нею продолжались до начала августа 1942 года. Совместная работа над языком привела к дружеским отношениям между ними. Голльнов питал к обвиняемой Харнак, в которой он видел идеал женщины, чувства глубокой симпатии и уважения.

Вскоре после начала занятий обвиняемый познакомился с обвиняемым д-ром Харнаком, который первое время был ему несимпатичен. Лишь в 1941 году, когда Голльнов всерьез обдумывал вопрос о занятиях в университете, он несколько сблизился с д-ром Харнаком, т.к. его жена сказала, что он мог бы помочь Голльнову в учебе. Голльнов понравился Харнаку, который видел в нем любознательного и целеустремленного человека и согласился с заниматься с ним по некоторым научным дисциплинам. Вскоре оба обвиняемых приступили к таким совместным научным занятиям, которые продолжались до начала августа 1942 года.

О желании Голльнова учиться на факультете по изучению зарубежных стран Харнак, не говоря об этом самому Голльнову, сообщил обвиняемому Шульце-Бойзену, который, как ему было известно, преподавал на этом факультете. Шульце-Бойзен связался с Голльновым и попытался устроить его перевод в свое ведомство, но безуспешно. Однако ему удалось добиться откомандирования Голльнова в распоряжение главного командования и назначения его в управление контрразведки. После этого Шульце-Бойзен и Голльнов неоднократно встречались друг у друга на службе, а также и в неслужебное время. Шульце-Бойзену Голльнов тоже понравился. И он, и Харнак считали, что на молодого офицера можно оказать политическое влияние в духе их идей, и старались постепенно вводить его в курс коммунистического образа мыслей. Однако ни тот, ни другой в отношениях с ним

никогда прямо не показывали, что являются коммунистами, ничего не говорили о своей подпольной деятельности и даже скрыли от него, что знакомы друг с другом. Однажды Голльнов был приглашен на вечеринку в дом Шульце-Бойзена, но ему там не понравилось из-за чрезмерной вольности нравов. О своих отрицательных впечатлениях он рассказал Харнаку, который посоветовал ему избегать общества Шульце-Бойзена.

Заходя иногда в служебный кабинет Шульце-Бойзена, Голльнов имел возможность читать некоторые из закрытых сообщений служебного бюллетеня Германского информационного бюро. Однажды ему в руки попало сочинение Шульце-Бойзена о Наполеоне, но он лишь бегло просмотрел его, не разобравшись в его подлинном смысле. Наконец, Голльнов брал почитать у Шульце-Бойзена кое-какие книги для своих научных занятий, в том числе одну о Ленине и о молодежи в Советском Союзе. Эти книги ему передал обвиняемый Хайльман. После посещения упомянутой вечеринки он отдалился от Шульце-Бойзена.

Во время своих совместных занятий Голльнов и Харнак основное внимание уделяли проблемам политэкономии, в особенности на территориях, относящихся к восточному пространству. Кроме того, Харнак ознакомил Голльнова с марксистской и социалистической научной литературой. В частности, он - в чисто научной плане - проработал с ним книгу Карла Маркса "Капитал". Во время этих занятий велись также разговоры на политические темы. С течением времени Голльнов понял, что Харнак не разделял полностью идеи национал-социализма, а скорее придерживался явно социалистических, даже просоветских взглядов. Будучи убежденным национал-социалистом и членом партии, Голльнов сначала возражал Харнаку, но затем под впечатлением доводов последнего сам начал колебаться. Однако, как и в отношении Шульце-Бойзена, он не догадывался о том, что Харнак в действительности был коммунистом и занимался изменнической деятельностью.

Стремясь опровергнуть и ослабить идеи Харнака, которые представлялись ему плодом политического пессимизма, Голльнов после начала войны неоднократно рассказывал ему о полученных по службе сведениях, которые по своему характеру являлись совершенно секретными. Так он сообщил ему, что намечен для использования в операции с исходным пунктом в Лиссабоне, предусматривающей акт саботажа против Англии. Весной 1942 года в беседе о предполагаемом ходе войны с Россией он сообщил Харнаку, что народности Кавказа готовы выступить против СССР и что специально отобранные лица русской национальности предполагаются к использованию в качестве десантников и парашютистов в составе германских войск при проведении операций на Кавказе. При этом он дал понять, что эти десантные операции имеют в виду предотвратить разрушение центров нефтяной промышленности России, захват которых является целью намеченного наступления. Осенью 1942 года он информировал жену Харнака о том, что примет участие в полете с территории Норвегии над Англией, причем с их самолета над Англией будут сброшены два парашютиста-ирландца для проведения диверсионной операции. Он рассказывал также о секретном плане захвата Москвы с помощью русских военнопленных. Наконец, он сообщил Харнаку данные об организации немецкой контрразведки в России и о том, что в России имеется широкая и хорошо организованная сеть германских агентов. В ответ на расспросы он сказал, что местопребыванием одного из таких агентов является Куйбышев.

По заключению управления контрразведки при главном командовании, по меньшей мере два сведения из числа разглашенных обвиняемым — об использовании состоящих из лиц не немецкой национальности парашютных войск на Кавказе и о наличии германского агента в Куйбышеве — представляли собой государственную тайну.

Все это признается обвиняемым. По его собственным показаниям, он сознательно выдавал представлявшие государственную тайну

сведения Харнаку, который не имел допуска к секретным данным, и тем самым с преступной небрежностью поставил под угрозу интересы империи. Поэтому он виновен в совершении преступления, предусмотренного статьей 90-д Имперского уголовного кодекса. Эти же его действия статьей 92, абзац I,2 Военно-уголовного кодекса квалифицируются как неповиновение в строю, поскольку он вопреки имеющему принципиальный характер приказу Фюрера от 20 января 1940 года грубо нарушил свою обязанность хранить государственную тайну.

Обвинение вменяет в вину Голльнову и то, что он, разгадав изменнические действия и замыслы Харнка и Шульце-Бойзена, не сообщил об этом, как положено, компетентным органам. Наконец, он обвиняется в нарушении своего воинского служебного долга за то, что путем перевода в другой лагерь сознательно помог избежать наказания русским военнопленным, которые по службе находились в его распоряжении и которых следовало бы расстрелять за создание подпольных коммунистических групп.

Обвиняемый отрицает свою виновность по этим пунктам. Он утверждает, что не догадывался об изменнической деятельности Харнака и Шульце-Бойзена и что у него не возникало и мысли, будто эти люди, одного из которых он знал как видного чиновника, занимавшего довольно высокий пост, а другого — как офицера, работающего в министерстве, могут быть изменниками или хотя бы иметь коммунистические убеждения. Он признает, что однажды действительно рассказывал обвиняемой Харнак о том, что спас от расстрела русских военнопленных. Однако, по его словам, в этой истории не было ни слова правды и он лишь выдумал ее с целью произвести впечатление на обвиняемую Харнак своей особой человечностью.

Суд решил поверить словам обвиняемого о том, что он не догадывался об изменнической деятельности других обвиняемых. Он учитывал при этом, с одной стороны, что Голльнов в сущности является честным человеком и ранее был убежденным национал-социалистом, а с другой стороны — что обвиняемые Харнак и Шульце-Бойзен, прямо заявившие об этом в своих показаниях независимо друг от друга, намеренно маскировали в беседах с Голльновым свои подлинные взгляды и планы. Сейчас, возможно, кажется странным, что Голльнов, будучи умным человеком, не разобрался с достаточной ясностью в этих двух людях. Однако, если представить себя на месте восприимчивого и старательного молодого офицера, который, сам родом из простой семьи, столкнулся с высокопоставленным министерским слу-

жащим и с превосходящим его по своей подготовке и возрасту офицером из имперского министерства авиации, то аргументы, выдвинутые обвиняемым в свою защиту, становятся более понятными. Поэтому обвиняемого нельзя считать уличенным в намеренном несообщении властям о совершенном или готовящемся преступлении /статья 139 Имперского уголовного кодекса/.

Ничем не подтверждается и предположение о том, будто обвиняемый намеренно помог русским военнопленным избежать заслуженного наказания. Однако причины, побудившие его **выдумать** эту историю, показывают, что обвиняемому было известно о русофильских настроениях супругов Харнак и он был готов пожертвовать своим чувством правдивости и порядочности ради того, чтобы угодить этим людям.

При определении меры наказания учитывалось, что Голльнов сам работал в контрразведке и прекрасно знал, что сохранение тайны является первейшей основой любой контрразведывательной деятельности, что на этот счет неоднократно издавались самые строгие приказы и что он, со своей стороны, безо всякого на то основания болтал о государственных секретах или хотя бы о вопросах конфиденциального характера. Угроза интересам империи была особенно серьезна, поскольку секреты были раскрыты государственному изменнику, поддерживавшему связь с противником, хотя обвиняемому и не было об этом известно. Объективную тяжесть преступления не может облегчить и тот факт, что, **насколько** удалось установить, Харнак не передал по назначению полученные им сведения. Обвиняемый должен нести полную ответственность за это преступление. Поскольку он находился на военной службе, к нему применяется более строгая мера наказания по статье 92, абзац 2 Военно-уголовного кодекса. Упомянутые выше отягчающие вину обстоятельства, в частности, масштабы проявленного легкомыслия, несоблюдения самых строгих приказов, а также необходимость принимать во внимание условия военного времени требуют наказания по всей строгости закона. Поэтому суд постановил приговорить обвиняемого к смертной казни.

Не приходится сомневаться в том, что Голльнов стал жертвой коварства и планомерной обработки прежде всего со стороны обвиняемого Харнака. В ходе войны обвиняемый не раз проявлял готовность принять участие в боевых действиях и своим исключительно добросовестным трудом оказал ценные услуги национал-социалистскому государству. Хотя его национал-социалистские убеждения и были посто-

леблены под влиянием других обвиняемых, его все же ни в коем случае нельзя считать коммунистом. Исходя из этого и учитывая, что обвиняемый совершал преступления непреднамеренно, суд не стал лишать его гражданских прав.

Однако вынесение смертного приговора не могло не повлечь за собой лишения воинских званий /статья 31, пункт I Военно-уголовного кодекса/.

6/ Хорст Хайльман.

Обвиняемый Хорст Хайльман родился 15 апреля 1923 года в Дрездене в семье приват-доцента Высшей технической школы Адольфа Хайльмана. Он учился в начальной школе, а затем в реальной гимназии г. Галле, где его отец к тому времени работал в качестве городского строительного советника. После ухода отца на пенсию в 1934 году переехал с родителями в Берлин, где учился в школе им. Гердера и весной 1940 года сдал экзамены на аттестат зрелости. Затем в течение положенного срока находился на Трудовой службе. С 1 сентября 1940 года приступил к учебе на факультете по изучению зарубежных стран Берлинского университета с намерением впоследствии поступить на дипломатическую службу. 26 августа 1941 года был зачислен добровольцем в 4-й резервный батальон связи в Штансдорфе, вскоре откомандирован на учебу в школу переводчиков службы связи и после сдачи соответствующих экзаменов в начале марта 1942 года назначен на работу в дешифровальном отделе главного командования сухопутных войск.

Вероисповедание католическое, холост, судимостей не имеет. Состоял в молодежной организации "Гитлер-югенд", где с успехом занимал командирские посты, с сентября 1941 года является членом НСРПГ /нацистской партии - прим. перев./ и национал-социалистического студенческого союза.

Осенью 1940 года Хайльман познакомился с обвиняемым Шульце-Бойзенем, проводившим семинарские занятия на факультете по изучению зарубежных стран с группой, в которой занимался Хайльман. Успешно подготовленный Хайльманом доклад на тему "Советы и Версаль" послужил поводом для установления более тесного контакта между двумя обвиняемыми. В результате дальнейшего развития этого знакомства Хайльман, отличавшийся живым умом и хорошими способностями, начал буквально боготворить своего учителя, хотя вначале и не догадывался о подлинных политических взглядах обвиняемого

Шульце-Бойзена. Шульце-Бойзен стал приглашать Хайльмана к себе домой, где тот познакомился с обвиняемой Шульце-Бойзен, а затем предложил ему совместно написать дипломную работу на тему «Крестовый поход на Москву». В процессе совместной подготовки этой научной работы, связанном с постоянным обменом мнениями между ними, Хайльману стало ясно, что Шульце-Бойзен отрицательно относится к национал-социалистскому государству и его руководству и настроен просоветски. Однако под влиянием последнего он и сам отошел от своих прежних убеждений, которые полностью базировались на национал-социализме.

После совместной прогулки на яхте 30 августа 1942 года Шульце-Бойзен полностью раскрылся перед Хайльманом. Теперь ему стало известно, что Шульце-Бойзен нелегально работает на коммунистов и, хотя сам непосредственно с Москвой не связан, поддерживает контакт с людьми, имеющими связь с Москвой. Шульце-Бойзен сообщил своему ученику, что решил начать активную политическую, т.е. антигосударственную деятельность. Хайльман предложил ему свое сотрудничество. В связи с этим он сообщил ему, что главному командованию сухопутных войск известно большинство радиошифров нелегальных агентов, связанных с Востоком. Об этом Хайльману стало известно по службе. Когда Шульце-Бойзен попросил его достать дешифрованные радиogramмы, раскрывавшие место расположения и шифр подпольных радиопередатчиков, а также имена засеченных агентов-нелегалов, проживающих в Берлине, Хайльман тут же дал свое согласие. Он понял, что Шульце-Бойзен хочет предупредить лиц, осуществлявших подпольную радиосвязь.

На следующий день Хайльман отыскал у себя на службе радиogramму от 29 августа 1941 года, в которой говорилось о Кукхофе, Арвиде /обвиняемый Харнак/, "Коро" и Александре Эрдберге. Он переписал эту радиogramму для последующей передачи Шульце-Бойзену. Затем он с той же целью похитил радиошифры нелегальных групп "Венцель" и "Тино", а также список агентов, имевших связь с Западом, и их повывные. Вскоре после этого он узнал от начальника своего отдела, что под кличкой "Коро" скрывается обвиняемый Шульце-Бойзен, который вместе со своей женой разоблачен как агент Москвы.

Обвиняемый Хайльман, по его утверждениям, не думал, что наносит ущерб своими действиями, поскольку речь шла о старых, уже дешифрованных радиogramмах. Он якобы лишь хотел доказать своему уважаемому учителю, дружбой которого он так дорожил, что доверяет ему. Но поскольку ему не хотелось нарушать свой служебный долг, он якобы достал ему лишь не представляющие ценности материалы. Суд не поверил этим утверждениям обвиняемого. Хайльман целиком предоставил себя в распоряжение Шульце-Бойзена. Хотя радиogramма была действительно не новой, расшифровали ее совсем недавно. Для Шульце-Бойзена было очень важно узнать о раскрытии располагавшей радиопередатчиком нелегальной группы и ее шифров, чтобы предупредить соответствующих лиц о грозящей опасности. Нельзя предположить, чтобы Хайльман с его умом и незаурядными способностями не понимал этого и еще испытывал какие-то колебания после того, как, будучи поставлен перед выбором между интересами родины и сотрудничеством с врагом государства Шульце-Бойзеном, недвусмысленно встал на сторону последнего.

Хайльман был готов передать похищенные материалы Шульце-Бойзену. Осуществлению этого намерения помешал лишь арест последнего. Зато 3 сентября 1942 года Хайльман встретился с обвиняемой Шульце-Бойзен. Он показал ей похищенную радиogramму и сообщил, что почти все радиogramмы "Красной капеллы" были перехвачены и дешифрованы, причем ее муж упоминался в них как "Коро", а она сама - как жена "Коро". Он обсуждал с ней также, что можно предпринять для спасения ее мужа и его соучастников. На следующий день он об этом же информировал обвиняемого Грауденца, который смог предупредить ряд соучастников. По просьбе жены Шульце-Бойзена он забрал материалы, содержавшие в себе важные улики, в том числе ряд книг и черновик совместно написанного диплома из квартиры Шульце-Бойзена и отвез их к своей знакомой актрисе Хольсей.

Обвиняемый не отрицает фактическую сторону дела. Он признает также, что выдал секретные сведения обвиняемым Шульце-Бойзен. Но он отрицает наличие у него шпионского умысла, т.к. якобы ничего не знал о связях Шульце-Бойзена с Москвой. Эти оправдания не заслуживают доверия. Несмотря на свою молодость обвиняемый достаточно сообразителен и, кроме того, достаточно хорошо знал Шульце-Бойзена, чтобы полностью разобраться в смысле своих поступков.

62

25.

Таким образом, Хайльман в военное время передавал государственные секреты — а именно таков характер похищенных им материалов — другому лицу, о связях которого с противником, хотя и через посредников, ему было известно. Он виновен в шпионаже /статья 2 Постановления об обеспечении безопасности в военное время/ и поэтому приговаривается к смертной казни.

Сообщив жене Шульце-Бойзена о раскрытии агентурной деятельности ее мужа, попытавшись предостеречь ее и обвиняемого Грауденца, а также предприняв шаги к ликвидации содержащих улики материалов, он занимался пособничеством врагам Германии /статья 91-б Имперского уголовного кодекса/, а в применении к нему как к военному служащему это преступление классифицируется как предательство /статья 57 Военно-уголовного кодекса/ и карается смертной казнью. Шпионаж и предательство совершены им одновременно.

Смертный приговор автоматически влечет за собой лишение воинских званий /статья 31, пункт I Военно-уголовного кодекса/. Кроме того, обвиняемый пожизненно лишается гражданских прав.

7/ Курт Шумахер.

Обвиняемый родился 6 мая 1905 года в Штутгарте в семье редактора районной газеты. Его отец был активным членом Социал-демократической партии Германии и воспитал своих детей в соответствующем духе. В Штутгарте обвиняемый учился в средней школе, а затем в течение четырех лет обучался в Берлине ремеслу резчика по дереву. После этого поступил учиться в Высшую школу изобразительных искусств в Берлине. В 1935 году открыл собственное художественное ателье в Берлин-Темпельхофе. В 1934 году женился.

7 июля 1941 года обвиняемый был призван на военную службу и определен в стрелковый батальон 6 полка 22 дивизии, дислоцированной в Познани. 22 июля 1942 года по собственной просьбе переведен в Берлин в состав стрелкового взвода 2 роты 311 полка. Судимостей не имеет.

Еще в 1929 году обвиняемый познакомился с Шульце-Бойзеном, поскольку оба входили в число приверженцев журнала "Гегнер", и подружился с ним. Они нередко бывали друг у друга в гостях, говорили о политических проблемах, а позднее в эти беседы включились также бывший член КПГ Кюхенмайстер, обвиняемый Коппи и д-р Пауль. В ходе этих дискуссий их участники высказывались за Советскую Германию, сохраняющую свои особые черты. Примерно с 1936 года обвиняемый принимал участие в деятельности группы Шульце-Бойзена по выпуску пропагандистских листовок. Он размножал листовку "Ударный кулак" путем снятия фотокопий. Листовки "Организуем массовую революционную борьбу", "Письмо капитану полиции" и "Внутренний фронт" он прочитал сам и передал другим. Ряд других листовок, названия которых он не смог вспомнить, он помогал распространять. После призыва в армию 7.7.1941 года и направления в Познань он пропагандировал свои коммунистические идеи среди тех солдат, которые, по его мнению, могли оказаться к ним восприимчивы. С этой целью он попросил Шульце-Бойзена и его жену скрытно присылать ему информационные и подрывные материалы. В их числе была листовка "Письмо капитану полиции".

Кроме того, обвиняемый оборудовал тайники для хранения подпольных листовок как у себя на квартире, так и в домах других лиц.

В июне 1941 года обвиняемый заявил русскому агенту "Эрдбергу" что готов взять на себя функции радиста при осуществлении радиосвязи с Москвой. Поскольку призыв в армию помешал ему заняться этим, он поручил своей жене оказать помощь русскому агенту, который должен был появиться. Когда он вернулся в Берлин, у него на квартире в течение трех недель жил заброшенный из России с парашютом агент Хесслер, который с ведома хозяина пытался проводить оттуда сеансы радиосвязи. Особенно возмутительно, что он, будучи в военной форме, имел встречи с русским агентом-парашютистом буквально у дверей собственной казармы.

64

27.

Обвиняемый является фанатиком коммунистического толка. Он сам заявляет, что не является коммунистом в собственном смысле слова, но считает необходимым, чтобы Германия шла вместе с Россией. Для достижения синтеза национал-социализма с Советским строем было, по его словам, необходимо, чтобы круг людей, поддерживавших его группу, был как можно более широк. Он утверждает, что, работая на Россию, руководствовался своими личными идеями, а не стремлением помочь военному противнику Германии.

Обвиняемый виновен в совершении актов государственной измены как до, так и после 22 июня 1941 года, в пособничестве врагам Германии и предательстве, а также в подрыве обороноспособности государства. По статье 57 Военно-уголовного кодекса и статье 5 Постановления об обеспечении безопасности в военное время за эти преступления не может быть назначена иная мера наказания, кроме смертной казни. За шпионаж, которым он попутно занимался, по статье 2 Постановления об обеспечении безопасности в военное время также положена смертная казнь. Бесчестие совершенных им преступлений ведет к пожизненному лишению гражданских прав и лишению воинских званий.

8/ Элизабет Шумахер.

Обвиняемая родилась 28 апреля 1904 года в Дармштадте в семье старшего инженера фирмы "АЭГ" Хоэнэмзера, имевшего звание капитана запаса. Ее отец был евреем и погиб в начале войны 1914 года. Мать - арийка. Обвиняемая училась в пансионе для девиц в Мейнингене, а затем в художественно-прикладном училище в Оффенбахе. С 1929 по 1935 год училась в Берлине в Объединенном государственном училище по ул. Харденбергштрассе. В 1934 году вышла замуж за обвиняемого Курта Шумахера.

Судимостей не имеет.

Обвиняемая входила в число лиц, объединившихся вокруг Шульце-Бойзена. Под влиянием своего фанатичного мужа она внутренне про-

никлась его идеями, став, как и он, убежденной коммунисткой. Она помогала размножать и распространять листовки "Ударный кулак", "Организуем массовую революционную борьбу" и "Внутренний фронт". После отъезда мужа в Познань она пересылала ему замаскированные под обычные письма подрывные материалы, а также представляющую для него интерес политическую и военную информацию, причем ей было известно, что ее муж распространял эти материалы среди товарищей по службе. Одна из листовок была зачитана в ее присутствии. Весной 1941 года она передала Шульце-Бойзену полученный от русского агента "Эрдберга" радиошифр, а сразу после начала русской кампании получила от этого русского агента 10000 им.марок, предназначенных для подпольных целей, в частности, для налаживания радиосвязи. Деньги она раздала своим подручным. Когда в середине августа 1942 года прибыл заброшенный с парашютом русский агент Хесслер, она на три недели разместила его у себя на квартире и обеспечивала питанием. Она упаковала рацию и установила связь между этим агентом и Шульце-Бойзенем. Она разрешила и даже помогала вести радиопередачи из своей квартиры и дала этому агенту портфель для упаковки рации и чемодан для хранения немецкого мундира, в котором он был сброшен с парашютом. Она приняла от него на хранение деньги и уже после раскрытия этого шпионского дела и ареста Шульце-Бойзена переправила ему часть его личных вещей. Она предупредила об опасности обвиняемого Коппи и скрыла ряд содержащих улики материалов.

Учитывая активную деятельность обвиняемой ту самостоятельность, которую она проявляла в делах группы предателей, замещая своего мужа в период его отсутствия, совершенные ею преступления не могут рассматриваться как простое пособничество. Она виновна в государственной измене /статья 83, абзац 2, абзац 3, пункты 1, 2, 3/, пособничестве врагам Германии /статья 91-б Имперского уголовного кодекса/ и шпионаже /статья 2 Постановления об обеспечении безопасности в военное время/ и безусловно заслуживает смертного приговора. Одновременно выносится решение о пожизненном лишении ее гражданских прав.

9/ Ганс Коппи.

Обвиняемый Ганс Коппи родился 25 января 1916 года в Берлине, в семье маляра Роберта Коппи. До 10 лет учился в приходской школе, затем - в средней школе на острове Шарфенберг /Тегельское озеро/, которую окончил в возрасте 16 лет, получив соответствующее свидетельство. В 1932 году вступил в отряд бойскаутов им.Фихте. После окончания школы с весны 1933 года работал в разных местах батраком и разнорабочим. В 1938 году поступил на машинный завод фирмы "Макс Эмке", где работал, приобретя специальность токаря, до призыва в армию. 10 сентября 1942 года был зачислен в резервный батальон 479 пехотного полка в г.Шримме /район Познани/.

Обвиняемый воспитан в евангелической вере, но в 1938 году заявил о своем выходе из церкви. Женат. Его жена ожидает рождения ребенка.

Коппи является убежденным коммунистом. Еще в 1934 году он был арестован за коммунистическую деятельность, а 4 августа 1934 года приговорен к одному году тюремного заключения по обвинению в государственной измене /приговор 4-й уголовной палаты окружного суда № 0 250/34/. 2 сентября 1935 года за распространение запрещенных печатных материалов был приговорен судом присяжных в Берлине к месяцу тюремного заключения /приговор № 608 I 50/34/. Однако эти уголовные наказания не удержали его от продолжения коммунистической деятельности.

Летом 1939 года Коппи возобновил свои прежние связи с лицами, знакомыми ему по совместному участию в молодежном коммунистическом движении. Они образовали кружок, в котором велись политические дискуссии, проникнутые явно коммунистическим духом. Наряду с обвиняемым в них принимали участие его друг Карл Беме, Вольфганг Тисс, супруги Виктор и Ютта Дубински, Вальтер Шюрман и супруги

67

30.

Кай и Эрика фон Брокдорф, которая также является обвиняемой по данному делу. Сначала участники кружка собирались на квартире у Беме, а с зимы 1940 года — на квартире супругов Брокдорф. В конце 1940 года Коппи, Тисс и Шюрман решили развернуть более активную коммунистическую деятельность, прежде всего на промышленных предприятиях. Осуществлению этого замысла помешало вступление Коппи в группу Шульце-Бойзена в качестве радиста.

Еще в 1937 году Коппи познакомился с обвиняемым Шумахером, коммунистические взгляды которого вскоре стали ему ясны. В числе его знакомых был также его школьный товарищ с Шарфенберга, инспектор метеорологической службы Шель, который тоже был настроен крайне лево. В 1939 году через Шеля он сблизился с обвиняемым Шульце-Бойзеном. Примерно в мае 1941 года Шульце-Бойзе и русский агент Александр Эрдберг предложили обвиняемому сотрудничать с ними. Он немедленно согласился, даже не спрашивая, о чем идет речь. Но ему было известно, что речь может идти лишь о подпольной коммунистической работе. С этого времени он стал реже появляться на собраниях своего прежнего кружка и больше был связан с группой Шульце-Бойзена. Он читал листовки, подготовленные этой группой, и передавал их другим, в том числе листовку "Организуем массовую революционную борьбу против фашизма и империалистической войны". Весной 1942 года он принимал участие в расклеивании подрывных листовок и вместе со своей женой расклеил в Веддинге и Моабите не менее 35 таких листовок.

Обвиняемый признает все эти факты. Приводимые им в свою защиту аргументы о том, что он считал себя обиженным жизнью и поэтому присоединился к коммунистическому движению, не могут служить оправданием его действий. Он виновен в государственной измене /статья 83, абзац 2,3 Имперского уголовного кодекса/ и, поскольку большая часть преступлений совершена им после начала войны между Германией и Россией, в пособничестве врагам Германии /статья 91-б

68

31.

Имперского уголовного кодекса/. Юридически его действия должны рассматриваться как многократное преступление, которое в соответствии со статьей 73 Имперского уголовного кодекса наказуется по статье 91-б Имперского уголовного кодекса. Поэтому он заслуживает смертной казни.

В мае 1941 года, используя посредничество обвиняемого Шумахера, обвиняемый Шульце-Бойзен договорился с Коппи, что тот будет выполнять функции радиста при осуществлении коротковолновой радиосвязи с Москвой. Сообщения он должен был получать в зашифрованном виде. Шульце-Бойзен организовал также встречу Коппи с Александром Эрдберном, который хотел проверить, насколько надежен Коппи. Примерно в середине июня 1941 года во время встречи на Марквардтском молу Эрдберг более подробно проинструктировал Коппи по вопросам предполагаемой радиосвязи. И наконец, в день, когда началась русско-германская война, Коппи на квартире супругов Шумахер получил свою первую рацию. Примерно в это же время Коппи получил от Эрдберга второй коротковолновый передатчик при встрече на станции городской электрички "Дейчландхалле". С помощью этих раций Коппи пытался установить радиосвязь с Москвой. Однако из-за неумелого обращения с аппаратурой ему это не удалось. После этого он через Хуземана познакомился с обвиняемым Шульце, который принес ему третью рацию и вместе с ним пробовал вести передачи. Но и с помощью этой третьей рации Коппи не удалось добиться желанной радиосвязи. Наконец, в августе 1942 года коммунист Хельмут Хесслер доставил четвертую рацию. То вместе с Хесслером, то в одиночку Коппи неоднократно пытался вести радиопередачи из квартиры обвиняемой фон Брокдорф. Во время этих попыток Хесслеру якобы однажды удалось установить связь с Москвой.

В течение всего периода, когда предпринимались попытки наладить радиосвязь, Коппи получал подлежащие передаче в эфир сообщения от неких Шлезингер и Беренса, выполнявших роль курьеров. Эти

сообщения предварительно зашифровывались обвиняемым Харнаком. Коппи знал, что речь шла о предназначенных для Москвы важных сведениях политического и военного характера, и прилагал все усилия к их передаче, хотя и безуспешно.

От обвиняемого Шульце Коппи слышал весной 1942 года, что один из заводов в Бернау выпускает насадки для минометов, с помощью которых можно вести огонь минами, обладающими большой пробивной и взрывной мощностью. Коппи, которому было поручено передать эти сведения в Москву, сообщил о них обвиняемому Грауденцу, о связях которого со Швейцарией /через Гейдельберг/ ему было известно.

23 июня 1941 года обвиняемая Шумагер вручила Коппи 10000 имп. марок, полученных ею от Александра Эрдберга. Из них 7.500 имп. марок Коппи передал обвиняемому Шульце-Бойзену, 1600 имп. марок - на хранение своей матери, не говоря ей о происхождении денег, а остаток израсходовал на свои личные нужды, оплатив главным образом расходы по своей свадьбе.

Обвиняемый полностью признает предъявленные ему обвинения. Помимо прочего, он виновен и в шпионаже /статья 2 Постановления об обеспечении безопасности в военное время/, который также карается смертью. Наряду с этим он приговаривается к лишению воинских званий и пожизненному лишению гражданских прав.

10/ Курт Шульце.

Обвиняемый Курт Шульце родился 28 декабря 1894 года в Пиррице /Померания/. Он был седьмым ребенком в семье пекаря Германа Шульце, а всего у них было десять детей. Когда ему было 5 лет, родители переехали в Берлин, где он и учился в начальной школе. Затем в течение двух с половиной лет был учеником в бакалейной лавке, а затем работал у того же хозяина продавцом. Весной 1913 года он уехал в Гамбург, нанялся юнгой на корабль, отправлявшийся рейсом в Венесуэлу. Через год вернулся Германию и работал разносчиком в разных местах. В мае 1916 года был призван на военную

70

33.

службу и определен в 3 роту I береговой дивизии в Киле. Там он получил специальность военно-морского радиста и использовался в этом качестве. В 1917 году прошел подготовку бортрадиста ВВС, затем был прикомандирован к крейсеру "Штутгарт", на котором и прослужил до конца войны. После демобилизации из флота в 1918 году он безуспешно пытался получить место телеграфиста на гражданской службе. Поэтому в 1920 году он начал работать шофером, был таксистом, а в последнее время вплоть до ареста работал шофером в почтовом управлении. Обвиняемый воспитан в евангелической вере, но в 1919 году вышел из церкви. Женат, детей нет, судимостей не имеет.

Еще в 1920 году Шульце вступил в КПП. По его словам, в 1923 году он вышел из партии, однако сохранил симпатии к коммунизму. До 1928 года был членом рабоче-спортивного союза в Панкове. Он продолжал придерживаться коммунистических идей и после 1933 года.

В 1928 году Шульце познакомился с одним русским, который после беглой проверки его квалификации как радиста дал ему рацию для секретного приема в определенное время и на определенной волне радиотелеграфных сигналов. Поскольку попытки Шульце обеспечить такой прием оказались безуспешными, он согласился с предложением этого русского пройти курсы подготовки радистов в Москве. В апреле 1929 года он по поддельному паспорту прибыл в Москву и в течение нескольких месяцев учился на этих курсах. Вернувшись в Германию, он получил от другого русского, имя которого ему неизвестно, вторую рацию для выполнения тех же задач, что и при получении первой рации. Однако обвиняемый потерял связь с этим незнакомцем и, по его словам, уничтожил рацию.

В 1936 году Шульце получил еще одну рацию от третьего незнакомца. Ему было снова поручено принимать сообщения и передавать их одному человеку, которого он знал лишь в лицо. Он работал с этой рацией, однако суду не удалось установить, смог ли он на этот

71

34.

раз наладить связь. Он утверждает, что и эти рация была им уничтожена в 1939 году, когда связь с незнакомцем была уже давно потеряна.

Обвиняемый знал, что целью его попыток наладить радиосвязь было поддержание и развитие контактов между КПГ и Советской Россией. Будучи коммунистом, он всегда был готов содействовать такой деятельности. За свою работу он получил в 1930-37 г.г. примерно 100-150 имп. марок.

Вскоре после начала войны в 1939 году один из русских дипломатических сотрудников советского посольства в Берлине передал ему радиопозывные и книжный код /книга "Коломба"/, а также 1000 имп. марок. Примерно в то же время он получил чемодан с четвертой рацией, которую он спрятал у себя на квартире под половицей. Ему не удалось воспользоваться этой рацией, т.к. у него не было подходящих батарей. Встретив в конце 1941 года Хуземана, которого он знал как старого коммуниста, он рассказал ему об этом. Тогда Хуземан познакомил Шульце с обвиняемым Коппи. После этого Шульце стал обучать Коппи приему и передаче радиogramм. С помощью рации Шульце оба обвиняемых пытались вести радиопередачи из квартиры обвиняемой Брокдорф. В конце концов Шульце забрал у Коппи его рацию и спрятал ее у себя на квартире под половицей.

Обвиняемый понимал, что целью этих передач также было направление в Москву важных в военном отношении данных.

Помимо этого, после начала войны с Советским Союзом обвиняемый Шульце занимался сбором информации для передачи лицам, известным ему как коммунисты, имевшие по меньшей мере косвенный контакт с противником.

Так, в 1941 году Хуземан принес ему два сообщения и попросил, чтобы он передал их по радио либо сам, либо через тех, у кого была радиосвязь с Москвой. Поскольку сам он не имел такой связи, он

отдал эти сообщения Коппи для передачи в эфир. В сообщениях говорилось о фирме "Бергман" в Бернау, изготовлявшей трассирующие снаряды, и об одной фирме в Саксонии, производившей насадки на винтовки для стрельбы бронебойными пулями.

В 1942 году прибывший из Голландии или Бельгии агент, о котором Шульце знал, что это был русский, передал ему кусок полотна с зашифрованными сообщениями и 500 им. марок. Шульце пытался расшифровать текст, но, не считая нескольких начальных фраз, не смог разобраться в смысле сообщения. Тогда он передал это полотно Коппи. Этому агенту, имя которого неизвестно, Шульце передал важную информацию, в частности, о том, что под Севастополем будут использованы орудия сверхкрупного калибра и дальнобойности, обладающие большой разрушительной силой. Полученные деньги он спрятал у себя на квартире.

Обвиняемый полностью признает предъявленные ему обвинения. Он не скрывает, что был коммунистом, готовым выполнить любое поручение своей партии.

Юридически совершенные им преступления квалифицируются как государственная измена /статья 83, абзац 2 и 3 Имперского уголовного кодекса/ либо, поскольку они имели место после начала русско-германской войны, как пособничество врагам Германии /статья 91-б Имперского уголовного кодекса/, а также как шпионаж /статья 2 Постановления об обеспечении безопасности в военное время/. Все три типа преступных действий совершались совокупно. Согласно статье 73 Имперского уголовного кодекса мера наказания должна при этом определяться по статье 2 Постановления об обеспечении государственной безопасности в военное время. Поэтому обвиняемый приговаривается к смертной казни. Лишение гражданских прав вытекает из статьи 32 Имперского уголовного кодекса.

II/ Эрика фон Брокдорф.

Обвиняемая Эрика фон Брокдорф родилась 29 апреля 1911 года в Кольберге. Старшая дочь в семье Франца Шенефельда, который в то время работал бригадиром по монтажу телеграфных линий, а сейчас является кондуктором на автобусах почтовой службы. Училась в начальной школе в г. Юхов, а затем два с половиной года в школе домашних хозяек в Магдебурге. После окончания школы некоторое время работала домработницей, а затем вернулась к родителям. Позднее она вновь работала домработницей в Берлине, примерно в 1934 году стала манекенщицей и одновременно обучалась стенографии. Затем около четырех месяцев работала стенографисткой. В 1935 году вышла замуж за скульптора Кая графа фон Брокдорфа. После начала войны ее муж был призван в армию и направлен на Восточный фронт в качестве унтер-офицера санитарной службы. В настоящее время он находится под арестом по подозрению в пособничестве государственной измене. В браке у них родилась дочь, которой сейчас 5 лет. Обвиняемая проживает в Берлин-Фриденау в квартире, оборудованной под художественное ателье. В последнее время получала пособие 221 имп. марку в месяц. Иногда подрабатывала на временных работах в Имперском ведомстве охраны труда, где и познакомилась с обвиняемой Шумахер, являющейся ее подругой. Обвиняемая утверждает, что не была членом какой-либо политической организации. Судимостей не имеет.

Примерно с лета 1939 года на квартире Брокдорфов начала собираться группа молодежи, главным образом друзья мужа, которые вели политические дискуссии явно коммунистической направленности. Как уже указывалось в связи с делом Коппи, кроме мужа обвиняемой, в этот кружок входили некий Курт Беме, Виктор и Ютта Дубински, Вольфганг Тисс, Вилли Шурман и обвиняемый Коппи. В ходе этих вечеров однажды обсуждался вопрос о создании коммунистической организации. При этом решили, что каждый проведет соответствующую работу среди своих знакомых, бывших членов партии и товарищей по службе. Курт

74

37.

Беме приносил коммунистические подрывные листовки, которые участники кружка после зачитания вслух и обсуждения забирали с собой. Обвиняемая участвовала в этих собраниях, однако, насколько удалось установить, в качестве пассивного слушателя. Однажды она прочитала подрывной материал, полученный от Беме. Примерно к весне 1941 года эти встречи постепенно сошли на нет.

С обвиняемым Коппи у обвиняемой фон Брокдорф установились более близкие отношения, а в 1941 году они вступили в интимную связь. У Коппи был ключ от ее квартиры, и он часто заходил к ней. В конце 1941 года Коппи принес в портфеле коротковолновую рацию, которую установил в квартире обвиняемой. Вскоре после этого он привел с собой Беме и оба в квартире обвиняемой и в ее присутствии ремонтировали рацию, разобрав ее и разложив инструменты, паяльники и припой. Ремонтные работы продолжались, причем к ним был привлечен обвиняемый Шульце, которого Коппи также ввел в дом. Сама обвиняемая не возражала против проведения этих работ, якобы считая, что речь шла о ремонте радиоприемника. Выбор ее квартиры в качестве места для ремонта обвиняемая якобы объясняла себе тем, что одновременно ремонтировался и принадлежавший ей радиоприемник.

В начале сентября 1942 года Коппи привел на квартиру и обвиняемой забрешенного с парашютом Хельмута Хесслера, не объясняя, кто это такой. Хесслер дважды переночевал на квартире у обвиняемой. Оба раза он просил обвиняемую разбудить его в 4 часа 30 минут, чтобы выйти на сеанс радиосвязи. Он объяснил обвиняемой, что собирается установить связь с радиолюбителем в Скандинавии. В действительности же Хесслер пытался установить связь с Москвой с помощью рации, которую он привез с собой. 9 сентября 1942 года обвиняемая вынесла спрятанную в портфель рацию из своей квартиры и на углу улиц Лейбниц-штрассе и Берлинер-штрассе передала ее жене Коппи Хильде.

Обвиняемая в основном признает фактическую сторону предъявленных ей обвинений. Однако, по ее словам, она не думала,

что собрания и беседы у нее на квартире служили коммунистическим целям. Хотя она признает, что прочитала полученную от Веме листовку, но заявляет, что якобы не поняла ее смысла. По ее словам, она не догадывалась и о том, что радиопередачи, которые пытались вести из ее квартиры Коппи, Шульце и Хесслер, имели целью установление связи с Москвой. В отношении Хесслера она думала, что речь идет о радиолюбительской связи с партнером в Скандинавии. К тому же она якобы принимала за обычные радиоприемники различные аппараты, доставляемые к ней на квартиру. По ее словам, она никогда не спрашивала о цели визитов Шульце и Хесслера и даже не интересовалась, как их зовут, питая полное доверие к своему возлюбленному, обвиняемому Коппи.

Суд не счел возможным принять на веру все заявления обвиняемой. Характер действий, совершаемых упомянутыми лицами, был во всех случаях настолько очевиден, что обвиняемая по меньшей мере после второго сеанса радиосвязи, проведенного Хесслером, наверняка должна была догадаться, что происходит на самом деле. Кроме того, хотя обвиняемая и не отличается особенно живым умом, она вполне была в состоянии понять и, несомненно, понимала смысл разговоров и дискуссий, происходивших по вечерам у нее на квартире. Точно так же, по мнению суда, ей была ясна коммунистическая направленность печатных материалов, переданных ей Веме. Отсюда следует вывод, что она сознательно допускала проведение в своем доме дискуссий, преследовавших коммунистические цели.

Обвиняемая знала также, что Коппи был коммунистом. Когда он вместе с совершенно посторонним человеком неоднократно производил у нее на квартире манипуляции с какой-то аппаратурой, причем даже ей было ясно, что речь шла о радиопередачах, и при этом упоминалась заграница, это наверняка должно было привлечь ее внимание, и, по мнению суда, дело именно так и обстояло. Возможно, что эти люди действительно не разъясняли ей всех своих целей до конца. Однако, даже если она при своей умственной ограниченности и отсут-

76

39.

своими интересами к подобного рода вопросам и не представляла себе положения дел во всех деталях, в конечном счете она не могла не понимать, что речь шла об установлении нелегальных связей с зарубежными коммунистическими кругами, враждебными в отношении Германской империи. Тем не менее она не возражала против проведения подобной деятельности у себя в доме и не предпринимала против нее никаких мер.

Давая юридическую оценку поведению обвиняемой, суд учитывал ее политическую пассивность. Очевидно, что она действовала в угоду обвиняемому Коппи, для которого, не размышляя, была готова сделать все. Суд не пришел к тому выводу, что она внутренне поддерживала преступления, совершаемые другими лицами. В основном она вела себя пассивно и виновна лишь в пособничестве, т.к. не возражала против осуществления преступных действий, хотя и признавала их антигосударственный характер.

С точки зрения права совершенные ею преступления могут квалифицироваться как пособничество государственной измене /статья 83, абзац 2,3 и статья 49 Имперского уголовного кодекса/ и пособничество шпионажу /статья 2 Постановления об обеспечении безопасности в военное время и статья 49 Имперского уголовного кодекса/. О пособничестве врагам Германии и актах государственной измены в связи с ее делом говорить нельзя, т.к. не установлено, совершала ли обвиняемая преступные действия и после начала русско-германской войны /если не считать ее причастности к отдельному случаю шпионажа/. Общей основой совершенных обвиняемой преступлений являются ее коммунистические взгляды.

При определении меры наказания учитывалась умственная ограниченность обвиняемой, которая не способна была представить себе всех вредных последствий действий других обвиняемых. Однако, с другой стороны, необходимо принимать во внимание опасный характер, который носило ее пособничество. Поэтому, хотя различие в

степени ее виновности по сравнению с основными обвиняемыми по данному делу позволило воздержаться от применения к ней высшей меры наказания, допускаемой в таких случаях законом, ее преступные действия заслуживают серьезной кары, и она приговаривается к 10 годам строгого тюремного заключения и лишению гражданских прав на 10 лет.

12/ Иоганнес Грауденц.

Обвиняемый Иоганнес Грауденц родился 12 ноября 1884 года в Данциге, в семье шорника. После учебы в начальной школе он в течение двух с половиной лет обучался профессии официанта и работал в этом качестве сначала в разных городах Германии, а с 19 лет - в Англии, Франции и Швейцарии. Во время пребывания за границей изучил французский и английский язык. В 1908 году вернулся в Германию и работал гидом и управляющим в гостинице. В 1916 году поступил работать в бюрокорреспондента американского агентства "Юнайтед Пресс". Во время мировой войны и после ее окончания /до 1922 года/ был руководителем этого корпункта. Затем в качестве корреспондента "Юнайтед Пресс" был командирован в России. В 1924 году ему пришлось вернуться в Германию, т.к. советские органы лишили его права проживания. Вернувшись, возглавил собственное "Агентство печати и фотоинформации", которое открыл еще в 1921 году. После продажи права собственности на эту фирму в 1928 году он до 1932 года работал редактором и корреспондентом различных газет. С 1922 года он занимается торговыми делами. Грауденц женат в третий раз, у него две дочери - 15 и 16 лет, проживает в собственном доме в Берлин-Штансдорфе. По его собственным показаниям, его ежегодный доход составляет около 30.000 имп.марок. Судимостей не имеет.

Обвиняемый Грауденц суеверен, верит в сверхъестественные силы и ясновидение. Через свою соседку Краус, профессиональную предсказательницу, он в конце лета 1941 года познакомился с обви-

41.

няемой Шульце-Бойзен, а затем и с ее мужем, с которым затем неоднократно встречался. Он вскоре догадался о коммунистических взглядах Шульце-Бойзена и выразил готовность оказывать ему помощь в подпольной коммунистической деятельности, хотя сам, по его словам, не разделяет идей коммунизма. Грауденц читал почти все подрывные листовки, составленные Шульце-Бойзенем. Он купил два копировальных аппарата, размножал с их помощью листовки и распространял их. В частности, он передавал такие листовки своей соседке Краус, супругам Шумахер и многим другим. По телефонной книге он разыскивал адреса подходящих на его взгляд людей, главным образом представителей интеллигенции, которым затем присылал по почте листовки. Он подал идею о массовом расклеивании листовок и принимал участие в ее осуществлении весной 1942 года. Занимаясь подпольной деятельностью, он постоянно слушал вражеские радиопередачи, в частности, английские радиостанции.

Таким образом, обвиняемый виновен в государственной измене /статья 83, абзац 3, пункты 1, 2 и 3 Имперского уголовного кодекса/ и, поскольку его деятельность приходится в основном на период после начала русско-германской войны, пособничестве врагам Германии /статья 91-б Имперского уголовного кодекса/. Он виновен также в подрыве обороноспособности государства /статья 5 Постановления об обеспечении безопасности в военное время/, т.к. распространял в армии подрывные материалы, в частности, передал военному Шумахеру, который является обвиняемым по данному делу, листовку "Письмо капитану полиции", а также в широких масштабах пытался разлагать и поощрять готовность немецкого народа к борьбе. Помимо этих преступных действий, носивших характер постоянной деятельности, обвиняемый виновен также в шпионаже.

Шульце-Бойзен, оценивший высокую активность Грауденца, предложил обвиняемому собирать представляющую интерес информацию и передавать ему. Грауденц изъявил свою готовность. Вначале целью

79

42.

обоих обвиняемых было лишь повышение степени взаимной осведомленности о событиях. Но затем Шульце-Бойзен решил интересную на его взгляд информацию передавать по радио в Москву. Об этих планах Грауденцу было известно, и он их одобрил. Он знал, что обвиняемый Коппи обслуживал секретную рацию группы Шульце-Бойзена. Зная об этом, он разрешил Коппи воспользоваться своей квартирой для проведения сеансов радиосвязи. Стремясь помочь отремонтировать испортившуюся рацию, он пытался, правда, безуспешно, через своего знакомого, гейдельбергского промышленника Меллианда достать некоторые радиолампы из Швейцарии. Выполняя данное ему поручение, Грауденц после начала русско-германской войны собрал большое количество данных экономического, политического и военного характера, которые он передавал Шульце-Бойзену. Эта информация касалась мер ПВО в Берлине, координат оборонного завода по производству изоляторов в Зельбе /Бавария/, расположения предприятий по производству синтетического каучука в Ганновере и Харбурге и, самое важное, данных о производстве военных самолетов в Германии. Большинство этих данных ему удалось узнать от архитектора Хеннигера, который работал в имперском министерстве авиации. Цифровые данные о производстве военных самолетов он записал в замаскированном виде, рассчитывая на их передачу в Москву.

Кроме того, Грауденц сразу же согласился переправить через своего знакомого Меллианда в Англию полученные от Шульце-Бойзена сведения о том, что немецким службам удалось перехватить и расшифровать английские радиogramмы о морских конвоях, направляющихся в Россию. С этой целью он поехал в Гейдельберг. Его утверждение, будто по дороге туда в поезде с ним произошел один случай, который он по своей суеверности воспринял как предостережение свыше и решил воздержаться от обращения к Меллианду, представляется мало правдоподобным, но не поддается опровержению. Но даже если это так, он в любом случае, начав эту поездку, предпринял попытку оповещения противника и тем самым совершил преступление, квалифи

80

43.

цируемое как шпионаж. Уже сам факт появления такого преступного умысла закон расценивает как преступное действие.

Поэтому в соответствии с упомянутыми выше законоположениями, а также со статьей 2 Постановления об обеспечении безопасности в военное время обвиняемый приговаривается к смертной казни и пожизненно лишается гражданских прав.

13. Учитывая особую тяжесть преступлений, совершенных обвиняемыми Харро Шульце-Бойзеном, Арвидом Харнаком, Куртом Шумахером и Грауденцем, суд постановил конфисковать имущество этих обвиняемых /статья 92 Имперского уголовного кодекса/. В соответствии с законоположениями конфискуются также деньги, полученные для преступных целей /статья 93-а Имперского уголовного кодекса/.

Подписи: д-р Крелль, Мусхоф, Арнс, Штутцер, Шмитт.

—ооо000ооо—

Ф ю р е р

Ставка Фюрера, 21.12.1942г.

I.

Утверждаю приговор Имперского военного трибунала от 14 декабря 1942 года по делу

бывшего легационного советника Рудольфа фон Шелла и редактора Ильзы Штебе,

а также приговор Имперского военного трибунала от 19 декабря 1942 года по делу старшего лейтенанта Харро Шульце-Бойзена и других, кроме его части, касающейся Милдред Харнак и графини Эрики фон Брокдорф.

81

44.

II.

Ходатайства о помиловании отклоняются.

III.

Приговоры привести в исполнение. Для Рудольфа фон Шелиа, Харро Шульце-Бойзена, Арвида Харнака, Курта Шумахера и Иоганнеса Грауденца предусматривается смертная казнь через повешение. Для остальных лиц, приговоренных к смерти, предусматривается смертная казнь на гильотине.

В отношении Герберта Голльнова ~~приговор~~ в исполнение не приводить до моего особого распоряжения.

IV.

Отменяю приговор Имперского военного трибунала от 19 декабря 1942 года в отношении Милдред Харнак и графини Эрики фон Брокдорф. Рассмотрение дела поручить другой палате Имперского военного трибунала.

Подпись: Адольф Гитлер

Главнокомандующий вооруженными силами

Подпись: Кейтель

Ведомо: сф. отч. сф. А' пункт
н-5 /Маш (Маш)